

Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан

Г.Ф.Габдрахманова

Э.А.Сагдиева

**ТАДЖИКИ И УЗБЕКИ
В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН:
БИОГРАФИИ ДИАСПОР
И ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ**

Монография

Казань – 2016

УДК 316
ББК 60.54
Г 12

*Подготовка и издание книги осуществлены в рамках
Государственной программы
«Реализация государственной национальной политики
в Республике Татарстан на 2014–2020 годы»*

Научные рецензенты:

доктор исторических наук *Г.Р.Столярова*
кандидат исторических наук *Л.В.Сагитова*

Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А.

Таджики и узбеки в Республике Татарстан: биографии диаспор и повседневные практики: монография. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. – 100 с.

Монография основывается на материалах интервью с представителями таджикской и узбекской общин Республики Татарстан. Авторы стремятся показать опыт проживания ими миграции: причины выезда из Таджикистана и Узбекистана, обстоятельства выбора Татарстана в качестве региона вселения, адаптационный процесс, социально-экономические практики, вовлеченность в этнические сети, правовой статус и дальнейшие жизненные планы. В исследование были включены таджики и узбеки, осевшие в Татарстане (мигранты советской и ранней постсоветской волны), и те, кто приезжает в республику временно в течение разного времени в поисках работы. Биографические нарративы – источник для понимания их повседневной жизни и выявления обстоятельств формирования и социальных особенностей таджикской и узбекской диаспор Республики Татарстан.

Книга может быть полезна специалистам в области изучения миграции, диаспор, этнических процессов и межэтнических отношений. Ее результаты могут представлять интерес для представителей органов государственной власти и управления, для тех, кого волнует развитие современного российского общества.

ISBN 978-5-94981-252-5

© Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А., 2016
© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава I. Теоретические и методические рамки исследования	8
Глава II. «Мой адрес – не дом и не улица. Мой адрес – Советский Союз»	19
Случай 1. «По пути оказались хорошие люди, они посоветовали – оставайтесь здесь»	19
Случай 2. «Миссионер»: роль религии	29
Глава III. «Россия – большая страна. Там народ большой и потенциал большой». Опыт «проживания» миграции рубежа 1990–2000-х гг.	36
Случай 3. «Азия», «Согдиана», «Золотая нива» – «любим мы готовить»	36
Случай 4. Экономика «для своих»	50
Глава IV. Временные жители Республики Татарстан	72
Случай 5. «Пятьдесят на пятьдесят: если родители здесь будут – то здесь остаться, если без родителей – то здесь сама одна не могу»	72
Случай 6. «Одамлары яхши, эш нормальный»	82
Заключение	95

ВВЕДЕНИЕ

Республика Татарстан – полиэтничный регион. Ее многокультурность формировалась на протяжении многих веков благодаря соседству тюркских, финно-угорских, славянских народов. Советский, прежде всего его послевоенный период еще больше обогатил этническую палитру Татарстана. В республике появились народы, не проживавшие здесь ранее. Многие их представители приехали для участия в реализации крупных проектов советской экономики – в строительстве объектов нефтехимического и оборонного комплекса, КАМАЗа. Часть мигрантов осталась в республике на постоянное место жительства. В результате в эти годы численность отдельных этнических групп в ТАССР увеличилась в несколько раз. Например, численность таджиков в период 1970–1989 гг. выросла с 88 до 742 человек, узбеков – в 1959–1989 гг. с 512 до 2692 человек¹.

В постсоветское время произошло дальнейшее усиление этнического разнообразия Республики Татарстан. Ведущую роль в этом процессе стала играть миграция из стран СНГ и дальнего зарубежья. Миграционный прирост в Республике Татарстан происходит за счет обмена с тремя территориями – регионами России, странами СНГ и государствами дальнего зарубежья. Обмен со странами СНГ дал 82,9% миграционного прироста в 1995 г. и 73,1% в 2007 г. Тенденция была нарушена в 2001 г., когда миграционный обмен с государствами ближнего зарубежья составил 47,4% миграционного прироста в Республике Татарстан². В 2010 г. миграционный обмен со странами СНГ составил 69%, в 2014 г. – 67%. Наибольшее количество иностранцев в 2014 г. прибыло из Узбекистана (27,8%) и Таджикистана (9,3%). Доля прибывших из Украины на тот период составила 8,7%³. На миграционный прирост Республики Татарстан

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. – Казань, 1990. – С. 8.

² Сагдиева Э., Габдрахманова Г., Мусина Р. Освоение пространства. Социально-экономические практики трудовых мигрантов в России. LAP Lambert Academic Publishing, Germany, 2011. – С. 72–73.

³ Материалы заседания Совета при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям. 25.02.2015. – Казань, 2015. – С. 84–85.

вливают и российские территории. В 2011 г. из общего количества прибывших в Республику Татарстан доля приезжих из регионов Российской Федерации составила 71,4%, в 2013 г. – 82,5%, в 2015 г. – 79%. Интенсивный обмен с регионами России проявляется и в выбытиях. В 1994 г. среди 29980 выбывших 25700 человек выехали на российские территории, в 2007 г. – эти показатели составили соответственно 52790 и 13278 человек⁴. В 2011 г. среди 20449 выбывших 19733 человека переехали в другие регионы страны, в 2013 г. среди 29281 человек таких оказалось 26365, а в 2015 г. на 34031 – 28155. Увеличивается количество выбытий и в страны СНГ. Если в 2011 г. их доля составила 2,3%, то в 2015 г. уже 15,7%⁵.

В Татарстане наблюдается прирост числа постоянно и временно проживающих иностранных граждан. Если в 2010 г. их количество было 12490 человек, то в 2014 г. – 19915. Из них по разрешениям на временное проживание на территории республики находится 11801 человек⁶. Наибольшее количество проживающих по разрешениям на временное проживание зарегистрировано в крупных городах Татарстана и муниципальных районах, прилегающих к ним: в Казани (6618), Набережных Челнах (607), Альметьевском (463), Зеленодольском (370), Бугульминском (309), Нижнекамском (307), Лениногорском (258), Нурлатском (247) и Высокогорском (230) районах⁷. Количество иностранных граждан имеющих вид на жительство в Республике Татарстан составляет 8114. Из них большинство – это приезжие из Республики Узбекистан (3159) и Республики Таджикистан (1149)⁸.

Основная часть приезжих целью своего прибытия обозначает трудовую деятельность. В 2014 г. в Татарстане было выдано 11101 разрешение на работу 11343 иностранцам. Среди них граждане Узбекистана составляют 23,3%, Таджикистана – 5,5%. Всего за 2014 г.

⁴ Сагдиева Э., Габдрахманова Г., Мусина Р. Освоение пространства... – С. 75.

⁵ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. – URL: http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 21.04.2017).

⁶ Материалы заседания Совета... – С. 87.

⁷ Там же.

⁸ Там же. – С. 88.

было выдано 30770 патентов иностранным гражданам⁹. По данным статистики основные отрасли, в которых заняты иностранные работники – это строительство (80,9%), транспорт (6,3%), общественное питание (4,4%), коммунальные услуги (2,8%), обрабатывающее производство (2,5%), сельское хозяйство (1,5%), оптовая и розничная торговля (0,7%), культура и спорт (0,3%), добыча полезных ископаемых (0,3%)¹⁰.

Ежегодно в Татарстан приезжает более четырех тысяч¹¹ трудовых мигрантов из числа таджиков и узбеков. Некоторая часть их оседает в республике, что приводит к росту таджикской и узбекской диаспор. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. численность таджиков в регионе составила 5859 человек (т.е. их стало почти в восемь раз больше, чем в 1989 г.), узбеков – 8881 человек (рост – в три раза). Увеличение количества представителей нетрадиционных для региона этнических групп ставит вопрос о причинах данного явления. Что и/или кто влияет на то, что мигранты приезжают в Татарстан и остаются жить в республике? Какие факторы влияют на их закрепляемость? Есть ли разница между приехавшими в советское и постсоветское время по мотивации к выезду, выбору региона вселения и стратегиям приживаемости в нем? Данные вопросы имеют научное значение, так как позволяют приблизиться к пониманию миграции как многоаспектного явления, имеющего особую внутреннюю логику. Практическая значимость связана с возможностью прогнозирования этнических процессов, определением изменений численности этнических групп в отдельно взятом регионе.

Авторы монографии провели специальное исследование среди мигрантов – таджиков и узбеков, приехавших/приезжающих в Татарстан. Нас интересовали те, кто приехал в республику в советское и постсоветское время. Это позволяло сравнить жизненные и адаптационные стратегии мигрантов разных временных эпох и вывести (а может быть показать отсутствие) социальные закономерности в миграционных процессах, развивающихся среди представителей конкретной этнической группы, прибывающих в отдельно взятый

⁹ Там же. – С. 91.

¹⁰ Там же.

¹¹ Территориальный орган Федеральной службы...

регион. В этой связи наиболее удачной представлялась качественная стратегия работы, а основным методом биографический (истории жизни). Такой методический прием позволял выявить опыт проживания миграции переселенцами и отражение в нем политических и социально-культурных процессов. Было проведено 21 интервью с мигрантами, живущими (постоянно или временно) в гг. Казани, Нурлате, Чистополе, Высокогорском районе. Поиск информантов осуществлялся случайным образом. Беседы длились от одного до двух часов.

Авторы выражают благодарность всем информантам, уделившим свое личное время на беседы.

ГЛАВА I.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Центральной категорией, используемой в книге, является «диаспора». В современной науке сформировалось несколько направлений исследований данного объекта. Я.Сандул выделяет их три¹. В первую исследователь относит теоретико-методологические труды, в которых особое внимание уделяется вопросам политико-правового статуса диаспор, их роли и места во внешней и внутренней политической жизни государств (Р.Г.Абдулатипов, Ю.В.Арутюнян, Л.М.Дробижева, А.А.Сусоколов, Т.Полоскова, В.А.Тишков и др.). Во вторую – работы ученых, в которых раскрываются различные аспекты особенностей конкретных диаспор как специфического этносоциального феномена. В них показываются источники формирования и критерии самоорганизации диаспор, основы их функционирования, типологии, функции и особенности (С.А.Арутюнов, М.Аствацатурова, А.Г.Вишневский, Т.С.Иларионова, З.И.Левин, Ж.Т.Тощенко, Т.И.Чаптыкова и др.). Наконец, это многочисленные работы, посвященные региональным аспектам проблем диаспор (М.Алисова, А.Анготкин, О.Бредникова, О.Паченков, С.Буяхаев, Л.Остапенко, И.Субботина, В.Попков и др.). Два последних направления являются приоритетными для авторов представляемой монографии. Выявление источников формирования и функционирования диаспор в региональных условиях (в условиях Республики Татарстан) – цель исследования.

Каким образом возникают диаспоры и как они существуют? Ж.Т.Тощенко и Т.И.Чаптыкова настаивают на выделении этнических, институциональных, географических характеристик диаспорных групп. По их мнению, «диаспора – это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая в ино-

¹ Сандул Я. Диаспора, как научная дефиниция: универсальность и неопределенность. – URL: <http://www.hs-pr.ru/projects/articles/2010/02/28/diaspora-kak-nauchnaya-definitsiya-universalnost-i-neopredelennost> (дата обращения: 20.04.2017).

этническом окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности»². Авторы данной монографии солидарны с Ж.Т.Тощенко и Т.И.Чаптыковой в том, что оторванность от исторической родины и устойчивость диаспоры как социальной группы являются главными ее критериями. Наличие социальных институтов у диаспоры также играет немаловажную роль в адаптации ее членов в пространстве принимающего сообщества. Они позволяют интегрировать социальную, культурную, языковую, профессиональную, этническую, политическую идентичности диаспоры с гражданской и региональной идентичностями. В свою очередь, социальные институты принимающего сообщества, предоставляющие диаспорам право сохранять и развивать свою культуру и язык; создавать собственные общественные и политические объединения; участвовать в коммуникациях постоянного населения, будут способствовать позитивной интеграции в иноэтническую среду.

Однако наличие социальных институтов не всегда может быть «работающим критерием», поскольку они могут носить формальный характер и не всегда охватывать своим вниманием всех представителей диаспорных групп. В отношении Татарстана целый ряд исследований показывают эффективность действующих социальных институтов. Н.И.Оморова делает вывод о том, что «центрально-азиатские диаспоры современного Татарстана обладают многоуровневой идентичностью, в которой все отчетливее проявляется тенденция усиления значимости социальной, личной и профессиональной идентичностей. Множественная и гибкая идентичность центрально-азиатских диаспор, благоприятно сказывается как на их этнической идентичности, помогает данным этнокультурам адаптироваться в динамично развивающемся Татарстане и быть успешными участниками этнополитического взаимодействия»³. Предыдущие работы авторов представляемой монографии показывают, что диаспоры стали эффективными посредниками в адаптации со-

² Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1996. № 12. – С. 37.

³ Оморова Н.И. Этническая идентичность центрально-азиатских диаспор в этнополитическом пространстве Республики Татарстан: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.05. – Саратов, 2014. – С. 83.

отечественников, пребывающих в Татарстан для работы и учебы⁴. Но в данной книге институциональный уровень не стал предметом специального рассмотрения авторов, в центре внимания – внутренний мир членов диаспор и проживание ими миграции.

Обращая внимание на субъективный опыт проживания миграции среди членов диаспор, В.А.Тишков предлагает рассматривать особый стиль жизни их представителей. По его мнению, ни численность, ни этничность не могут служить основой формирования диаспор, поскольку «это культурно отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективных связей, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине. Если нет подобных характеристик, значит, нет и диаспоры». Другими словами, по мнению В.А.Тишкова, «диаспора – это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность. Этим явление диаспоры отличается от остальной рутинной миграции»⁵. Ставя перед собой задачу изучения источников пополнения диаспор, мы не можем обойти вниманием мигрантов, пребывающих в регион по разным мотивам и представляющих собой потенцию для ее увеличения в случае принятия ими решения о невозврате в регион исхода. Жизненный мир мигрантов разных волн – это источник для понимания жизни диаспоры в целом. Изучая опыт проживания миграции можно нарисовать возможный сценарий диаспоры: ее увядание в случае отсутствия демографической подпитки, ее расцвет в ситуации вливания новых членов из числа мигрантов.

Жизненный мир мигрантов имеет давнюю традицию изучения в общественных науках. Она берет свое начало в классической работе У.Томаса и Ф.Знанецкого, построенной на изучении жизненной истории польского эмигранта Владека Висневского (его детства в польской деревне, вступления в трудовую жизнь булочником, его эмиграцию в Германию в поисках работы и, наконец, приезда в Чикаго и мытарства там). Ее авторы открыли путь для качественной

⁴ Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А., Оморова Н.И. Учебная миграция в Республике Татарстан: адаптация и интеграция студентов из государств Центральной Азии: монография / под ред. Г.Ф.Габдрахмановой. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Изд-во «Артифакт», 2014. – 152 с.

⁵ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – С. 20.

стратегии социологических исследований в области миграции. Преимущество данной методологии заключается в том, что истории жизни мигрантов показывают социально-культурные процессы, под влиянием которых формируется диаспора, т.е. это источник для понимания как самого жизненного пути индивида, покинувшего родной дом, уехавшего далеко от него, живущего в новом окружении, так и контекста, на фоне которого он разворачивается. В этом смысле истории мигрантов становятся зеркалом, в котором отражается история стран/страны и/или локальных сообществ, а их биографии демонстрируют все этапы миграции: формирование миграционных настроений, переезд, адаптация на новом месте, поддержание или изменение «Я» в условиях «Другого». Мигранты – это носители субъективных переживаний, возникающих во время перемещений, а их жизненные стратегии раскрывают образ жизни диаспорных групп.

В. Дятлов и Э. Мелконян соглашаясь с В.А. Тишковым, Ж.А. Гощенко и Т.И. Чаптыковой в том, что для диаспоры характерно собственное рассеяние – расселение народа или его части за пределами основной этнической территории (исторической родины) в результате миграций различных типов либо изменения государственных границ, отмечают недостаточность данного критерия. Более важными на их взгляд является сохранение в диаспоральной среде на протяжении нескольких поколений этнокультурной идентичности, разграничивающей диаспорную группу и, как правило, более многочисленное принимающее общество. Такая идентичность часто поддерживается разветвленными сетями поддержки и институтами, связывающими группу как с родиной, так и с родственными общинами в других странах. Наконец, важно выделять особое отношение к реальной или воображаемой родине, на которую продолжают ориентироваться эмоционально и политически члены диаспоры⁶. Выделенные признаки позволяют В. Дятлову и Э. Мелконяну сформировать определение «диаспоры», рассматривая ее как «особый тип человеческих взаимоотношений, как специфическую систему формальных и неформальных связей, жизненных стратегий и практик людей, основанных на общности исхода с «исторической родиной», на усилиях по поддержанию образа жизни в «рассеянии» – в

⁶ Дятлов В., Мелконян Э. Армянская диаспора: Очерки социокультурной типологии. – Ереван: Институт Кавказа, 2009. – С. 19.

качестве национального меньшинства в иноэтничном обществе»⁷. Идентичность и отношение к региону исхода – еще два важных критерия диаспоры, используемых в данной книге.

Идентичность диаспор, по мнению М.Манусяна, «является сложным предметом для исследования: она означает одну нацию, но не одну культуру, одну нацию, но не один язык, одну этническую идентичность, совмещенную с множеством других групповых идентичностей, а также периодическую необходимость их интеграции и организации»⁸. Предпринимая попытку изучения идентичности разных волн миграции, сформировавших и продолжающих формировать диаспоры, эта задача становится еще сложнее. Используемая авторами книги качественная стратегия позволяет выявить особенности изменений этнической идентичности личности в условиях, когда индивид перемещается между территориями. Биографические нарративы углубляют представления об этом: в фокусе исследователя, занимающегося изучением мигрантов в России, могут оказаться те, кто социализировался в условиях советской национальной политики, и те, чья жизнь складывалась в постсоветское время, когда новые государства формировали собственные национальные и миграционные политики. Сравнение этнической идентичности разных поколений мигрантов – проблема, способная дать новые теоретические обобщения в области идентичности, при изучении того как она формируется и меняется в разные периоды истории отечества.

Мигранты, родившиеся и переехавшие еще в советское время в другой регион страны, прошли все стадии кардинальной общественной трансформации этнической сферы. Вначале они были носителями общесоветской идентичности и свидетелями того, как советская национальная политика всячески пропагандировала полиэтничность страны и мирную жизнь народов. Одним из средств презентации являлась национальная кухня. В советской Москве популярными были рестораны «Арагви», «Узбекистан», в которых дизайн и кухня, соответствовали грузинским и узбекским традици-

⁷ Там же. – С. 24.

⁸ Манусян С. Вопросы сохранения идентичности в диаспоре: социально-психологический аспект. – URL: http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=4836 (дата обращения: 20.04.2017).

ям. Другие – «Берлин», «Бухарест», «Варшава», демонстрировали дружбу народов социалистического лагеря.

Традиция вклеивания отдельных этнических элементов стала очень популярной в постсоветское время. Реконструированные традиции используются в сфере питания, в одежде и дизайне. Кафе «Скатерть-самобранка», «Чак-Чак», блинная «Масленица», ресторан «Купеческое собрание», Дом «Татарской кулинарии», торговая сеть «Бахетле», торговые точки с халяль-продуктами и постной продукцией, магазины мусульманской одежды – все это атрибуты современного городского пространства Татарстана, позиционирующие русскую и татарскую культуру. В республике сформирован и «особый» этноязыковой ландшафт. В частности, «использование в среде городской молодежи (Казани – прим. авт.) слов и фраз на татарском языке говорит о том, что «татарское» даже становится, в некоторой мере, модным»⁹. Весьма популярными стали всевозможные артобъединения, галереи, клубы, рестораны, кафе, использующие нетрадиционный для России и ее регионов этнический колорит. Появились объединения любителей арабских танцев, магазины индийских товаров, китайские чайные клубы, турецкие бани, японские рестораны, фастфуды. Их организуют и в них зачастую трудятся сами приезжие. Этничность становится социальным ресурсом мигрантов, конвертируемым в экономический. Для какой их части – мигрантов советской или постсоветской волны – остается пока недостаточно ясно. Как не достаточно раскрытой является в целом и их занятость – отраслевая, профессиональная специализация и драматургия ее построения. Жизненный опыт членов диаспор с точки зрения его смысла и значения становится источником для понимания этой проблемы.

Данная монография основывается на результатах исследования в Республике Татарстан. Авторы стремились показать повседневную жизнь представителей таджикской и узбекской диаспор: как они «проживали» миграцию, какие существуют наиболее типичные формы этого «проживания» – все то, что изучается в рамках фено-

⁹ Макарова Г.И. Языковые практики молодежи в досуговых пространствах Казани // Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Сборник очерков / под ред. Г.Ф.Габдрахмановой, Г.И.Макаровой, А.Р.Мухаметзяновой. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. – С. 103.

менологической традиции, восходящей к философии М.Вебера, а также к Э.Гуссерлю и А.Бергсону. По мнению А.Шюца, постулат о субъективной интерпретации в социологии только и означает, что все объяснения социального мира имеют своей составляющей субъективный аспект деятельности людей, из которых и берет начало социальная реальность¹⁰. Социальный мир представителей диаспор недостаточно изученное явление в российской науке.

В центре внимания отечественных исследователей, прежде всего, социально-экономические проекты переселенцев. Здесь накоплен значительный объем научной информации. Наряду с материалами официальной статистики, используются результаты специальных исследований по занятости приезжих, в которых одни авторы, опираясь на качественную стратегию, сосредотачиваются на какой-то одной сфере, другие, проводя опросы, стремятся выявить разнообразие отраслевой специализации мигрантов. Л.Л.Рыбаковский, ссылаясь на данные А.В.Топилина, отмечает, что наибольшее число трудовых мигрантов занято в строительстве (в 2007 г. их доля составила 40%), торговля и ремонтные работы (19%), промышленность (7%), коммунальные и прочие услуги (5%), транспорт (внутригородской) и связь (4%). В последние годы в строительстве и торговле занято свыше 2/3 всех мигрантов, причем строительство в наибольшей мере освоено выходцами из Украины, Армении и Грузии, а в торговле заняты преимущественно выходцы из Закавказья и Средней Азии. Обслуживание дачных участков и загородных домов, их строительство и ремонт невозможно без трудовых мигрантов¹¹. Другие авторы подчеркивают, что наравне с занимаемыми местным населением сферами труда мигрантов существуют и «невидимые», такие, например, как промышленность, здравоохранение, финансовая сфера, общественное питание, мелкие услуги, работа в домашних хозяйствах. Среди москвичей мигранты весьма

¹⁰ Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках. Американская социологическая мысль. Тексты / под ред. В.И.Добренко. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 538.

¹¹ Рыбаковский Л.Л. Трудовые мигранты и их вклад в пополнение трудового потенциала России // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. №1. С.49. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/trudovye-migranty-i-ih-vklad-v-popolnenie-trudovogo-potentsiala-rossii> (дата обращения: 13.03.2017).

востребованы в качестве помощников по хозяйству и уходу за детьми, престарелыми, больными родственниками¹².

В Республике Татарстан наиболее востребованными сферами занятости среди представителей диаспор и мигрантов является торговля (16,5%) и строительство (14,7%). Около трети заняты в различных сферах обслуживания (повара, грузчики, дворники, кондуктора, посудомойщики). Каждый десятый является индивидуальным предпринимателем. Интеллектуальным и творческим трудом заняты около 8% (учителя, юристы, врачи, актеры)¹³. Этническая принадлежность мигрантов связана с их трудовой специализацией. Киргизы трудятся в основном в сфере торговли; узбеки и таджики – в строительстве, транспорте, торговле и общественном питании¹⁴.

Отраслевая и профессиональная специализация мигрантов в РФ – достаточно изученная проблема. Однако количественные данные не позволяют понять, каким образом приезжие «приходят» к ней. Меняется ли она в процессе миграции? Кто и что влияет на него? Эти вопросы поставлены в исследовании В.М.Пешковой. В нем автор сосредотачивается на изучении мигрантской инфраструктуры – выявлении того, что создается силами самими мигрантов «для себя». Это кафе Москвы, ориентированные на мигрантов («этнические» кафе). По мнению В.М.Пешковой, хотя такой рынок общественного питания начал активно формироваться всего несколько лет назад, он довольно разнообразен, ориентируется на разные целевые аудитории, а значит, способствует складыванию различных моделей посещений. Автором выделены две основные категории или два идеальных типа мигранто-ориентированных кафе: «кафе-клубы» и «чайханы». Они различаются такими характеристиками как расположением, доступностью, графиком работы, организацией внутреннего пространства, наличием этнических/культурных символов, меню (наличие или отсутствие алкоголя), персоналом, типичными посетителями, а также моделями посещения. Несмотря на различия,

¹² URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0605/tema03.php>

¹³ Диаспоры и сообщества мигрантов в Республике Татарстан: этносоциологические очерки. Часть III / В.Е.Козлов, Е.В.Фролова, М.В.Вятчина. – Казань: ООО Глаголь, 2016. – С. 39–40.

¹⁴ Это подтверждается в ряде исследований: Сагдиева Э.А. Актуализация социальных и экономических ресурсов в экономических стратегиях трудовых мигрантов: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04. – Казань, 2010; Диаспоры и сообщества... – С. 40.

оба типа кафе, ориентированных на мигрантов, играют роль и объединяющего и обособляющего социального пространства¹⁵. В другой своей работе В.М.Пешкова отмечает, что основная причина появления подобных институций состоит в том, что из-за ограниченного доступа к некоторым ресурсам принимающего общества мигрантам приходится изыскивать возможности внутри своих сообществ, в которых часто через мигрантские сети оказываются взаимосвязаны все мигранто-ориентированные институции. Однако они играют неоднозначную роль, поскольку, с одной стороны, служат частичной изоляцией мигрантов, с другой, с их помощью происходит адаптация последних. Появление мигранто-ориентированных институций само по себе является показателем определенной социальной инкорпорации¹⁶.

Интересные данные были получены К.С.Григорьевой, которая на примере этнических общин Краснодарского края выявила факторы, стимулирующие или препятствующие использованию этнического ресурса. В числе них: превращение этнической принадлежности в социальный барьер и ресурс, дискурсы, способствующие получению преимуществ представителями одних этнических общин перед другими, практики этнопротекционизма и этнолоббирования, а также отказ от данных практик в пользу слияния с этническим большинством, влияние политического контекста на выбор тех или иных стратегий представителями этнических общин¹⁷. Исследования В.М.Пешковой и К.С.Григорьевой представляют большой интерес с точки зрения обстоятельного изучения роли этничности в конструировании жизненного мира мигрантов, но не позволяют понять суть их других социально-экономических стратегий, влияющих на жизнедеятельность, а также роль внеэтнических ресурсов, влияющих на приспособление приезжих.

¹⁵ Пешкова В.М. Среднеазиатские этнические кафе Москвы: мигрантская инфраструктура в городском пространстве // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / науч. ред. В.И.Дятлов, К.В.Григоричев. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – С.186–202.

¹⁶ Пешкова В.М. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России. 2015. №2. – С. 129–151.

¹⁷ Григорьева К.С. Этничность как социальный ресурс и барьер (на примере этнических общин Краснодарского края) // Мир России. Т. 26. № 1. – С. 81–102.

В исследованиях Э.А.Сагдиевой было выявлено, что выстраивание сетей трудовыми мигрантами происходит по принципу «снежного кома» – одна группа знает другую, те – еще кого-то и так вырабатывается теневая матрица каналов трудоустройства. Здесь следует отметить, что сети могут выстраиваться по разным критериям, что соответственно будет влиять на размер, важность и степень известности данной сети. Мигрантские сети представляют собой неформальное, безличное и подвижное образование. Основными характеристиками сети являются: место исхода (кишлак, район, город), род деятельности, статус (этнический предприниматель, наемный рабочий). С ее помощью трудовые мигранты находят жилье, работу, оформляют патент, медицинский полис, обмениваются информацией. Так создается эффект «семьи и друзей», который и формирует потоки мигрантов, облегчая их адаптацию и трудоустройство. Формирование сети, в основном, происходит по принципу родства и землячества, что близко этнопсихологическим особенностям народов Средней Азии (у них сильны земляческие узы, родоплеменные связи, в новом месте они предпочитают держаться сплоченной группой)¹⁸.

Изучение социальных сетей, формируемых и развиваемых представителями диаспорных групп, это одно из важных, но не достаточных направлений изучения опыта проживания миграции. В центре внимания авторов книги – жизненный мир переселенцев: их биографии до переезда (родители, образование, взаимоотношения с близкими родственниками), миграционный путь и его участники, обстоятельства оседания в Татарстане, идентичность, культурные практики, стратегии поиска брачных партнеров и воспитания детей, трудовая деятельность, дальнейшие жизненные планы и т.д.

В 2016 г. авторами было проведено исследование, целью которого стало изучение жизненных практик мигрантов – таджиков и узбеков, прибывших в Республику Татарстан. Основным методом исследования стало биографическое интервью. Целесообразность биографических повествований связана с тем, что они в своей совокупности позволяют понять «коллективный опыт «проживания» определенной социальной ситуации. Сравнительный анализ большого числа аналогичных случаев (примерно от 5 до 25) становится

¹⁸ Сагдиева Э.А. Актуализация социальных и этнических ресурсов... – С. 98–119.

основой для описания социальной проблемы, которая вырисовывается за сходными обстоятельствами и действиями — общей социальной практикой людей. Такой методологический подход позволяет типологизировать жизненные стратегии в сходных ситуациях, конструировать «образцы» (т.е. нормы) поведения или типы культурных ориентаций, стилей жизни»¹⁹. Методика анализа историй жизни выстраивалась на принципе поэтапности, представленного в монографии В.В.Семеновы²⁰. В результате анализа сформированных кодов и их укрупнения была выстроена система группировки жизненных историй мигрантов. Их центральной характеристикой, подсказавшей логику построения структуры книги, стало время прибытия мигрантов в Республику Татарстан. Однако, как показало исследование, не всегда временной фактор является определяющим условием пополнения диаспор. Какие еще другие причины стимулируют закрепляемость приезжих из числа таджиков и узбеков в Татарстане, а какие мотивируют мигрантов вернуться в регион исхода — все это изложено в следующих главах книги.

¹⁹ Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: Учеб. пособие для студентов вузов / Институт социологии РАН. — М.: Добросвет, 1998. — 29 с.

²⁰ Там же.

ГЛАВА II.

«МОЙ АДРЕС – НЕ ДОМ И НЕ УЛИЦА. МОЙ АДРЕС – СОВЕТСКИЙ СОЮЗ»

Случай 1. «По пути оказались хорошие люди, они посоветовали – оставайтесь здесь»

Респондент М., 59 лет, уроженец Узбекской ССР, узбек по национальности. Он родился в многодетной семье, в которой было шесть детей. В связи с трагической гибелью матери, детей воспитывали отец и мачеха. *«У меня там родственники, у меня мачеха. Она с нами 32 года жила, у нее ребенок не был. Нас было шестеро от матери остались. Мне тогда 11 лет было, самый младший брат у меня три месяца остался (без матери – прим. авт.). Нашу маму трактор задавил».*

В Татарской АССР (ныне – Республика Татарстан) М. оказался в 1976 г. в связи с исполнением призывной обязанности в рядах советской армии. После службы познакомился с местной девушкой-татаркой, с которой заключил брак. М. увозит молодую жену к себе на родину в Узбекистан. Там у них рождается трое детей. Переезд, по словам респондента, произошел под влиянием массовой устремленности советских людей к переезду в Среднюю Азию – региону, который в тот период был сравнительно более обеспеченным. Привлекал и теплый климат. *«... я в 1976 году приехал в Татарию в армию, здесь служил с 1976 по 1978 год. Как раз в Казани, где Вахитовский там, внутренние войска служил тогда. После службы я познакомился здешней девушкой, которая сейчас со мной живет, 38 лет уже будет. Тогда я поженился, потом поехали в 1978 году, в декабре, в Узбекистан. В Узбекистане жили четыре-пять лет, потом, четыре года почти ... в Андижане, у нас же трое ребенок там родила она, одна старшая дочка у меня умерла там в свое время семимесячной. Потом сын у меня 1985 года, дочка есть 1981 года. Тогдашнее время же все же люди Средняя Азия бегали, хлебный город, красивый».*

Прожив шесть лет в Узбекистане, респондент решает уехать вместе с семьей. Желание возникло в связи с объявленной в те годы Всесоюзной ударной комсомольской стройкой Байкало-Амурской магистрали (БАМ). Многие молодые люди включились в этот проект. Но молодая семья М., воодушевленная пропагандируемой романтикой жизни в новых местах, выбрала местом своего дальнейшего жительства родную деревню супруги (Н-ский район ТАССР). Этот выбор был случайным: семья по дороге заехала в отчий дом жены и там их уговорили остаться. М. вспоминает тяжелые условия жизни в деревне в тот период – грязь, холод, тем не менее, он хорошо помнит и подробно описывает процесс адаптации – как его семья получила дом, обзавелась скотиной, а сам он трудоустроился. Имея профессиональный опыт, М. начинает работать поваром в колхозной столовой. Так он становится полноправным членом местной колхозной системы. Связь с Узбекистаном не терялась, до распада СССР семья ежегодно выезжала туда на поезде. *«Сначала хотели в БАМ поехать, тогдашнее время был же БАМ, вся молодежь едет там. ... И по пути здесь оказались хорошие люди, они посоветовали, оставайтесь здесь, вам дом будем давать, корову. ... в деревне же кто жил тогда тяжело, везде грязь, люди же, такое время было, у каждого валенки, унты там. Я тогда оставался здесь, мне дом дали. Тогда колхоз, поваром я работал в колхозе в Н-ском районе. ... Колхоз «Октябрь» тогда был, Наласа деревня. ... эта деревня, сначала в городе Н. хотели жить, потом уговорили, повар надо. Я поваром работал 18 лет. Я работал в колхозной столовой поваром тогда. ... до этого уже в деревне жили, каждый год осенью, зимой в Узбекистан ездили семьей, тогда поезда хорошо были».*

М. отмечает, что сельчане сразу его приняли как своего, оказывали ему поддержку, когда он только перебрался с семьей в Татарстан. На работе он всегда чувствовал уважение к себе, востребованность своего труда. Активно оказывал помощь в организации питания участников массовых спортивных, культурных и общественных мероприятиях, проводимых в Н-ском районе. Для него очень важны его личные знакомства с различными руководителями района и другими официальными лицами Республики Татарстан. Всех их он накопил за время проживания в Татарстане. М. гордится этим. *«Я с Минтимером Шариповичем (первый Президент РТ – прим. авт.) четыре раза здоровался. Я всегда кушать готовил, всегда семинар ... Рустам Нурғалиевичем (нынешний Президент РТ – прим. авт.) – он*

директор, директор райпо был, Исполком был, я с ним всегда встречался, всегда советовался. И Мингазовым (экс-руководитель компании “Вамин”, расположенной в Н-ском районе – прим. авт.) тоже. Я же очень много люди (знал – прим. авт.). И Сабирова – покойного премьер-министра... сейчас Алмаз Аминович – министр лесничества, у нас глава был. Я со всеми общался, люди другие, которые приезжали тогдашнее время. Я всегда Сабантуй или ярмарка, всегда (участвую – прим. авт.). Я два раза в Н-ском районе отмечал Всемирный татарский конгресс молодежи. ... Тысячи человек кормили 26 сентября, день молодежи, татарский конгресс».

Как гражданин СССР, прописанный в ТАССР, М. без труда получает паспорт гражданина РФ. Никаких проблем с получением российского гражданства не было и у его детей, переехавших в советское время или родившихся в России. М. особо выделяет тему «национальность в паспорте». Он посоветовал своим детям записаться татарами, а не узбеками, потому что так, по его мнению, тогда было безопаснее. М. опасался притеснений со стороны националистов в отношении представителей некоренных народов. Дети все же считают себя одновременно татарами и узбеками, но главное, как подчеркивает М., то, что они – граждане России. «... я в свое время, когда ... тогда в паспорте национальность писали, я им сказал, доченька или сын: «Возьмите какой нации, скажешь татарин», потому что жизнь это же... смотрит – узбек – может быть, подниматься другой националист. ... они в свое время, сын у меня узбекское гражданство брал, все равно оба, и дочери татарка... у меня дочери тоже учились же в университете, академию закончили, они тоже. А потом паспорт менялся, сами знаете, сейчас никакой национальности нет, гражданин России. Они себя считают как узбечка-татарка».

У М. было шесть детей. Самая старшая дочь умерла в младенчестве, а пятеро других детей либо учатся, либо уже работают – врачом, сотрудником пенсионного фонда, полицейским. Некоторые дети создали семьи, родили М. внуков. «...все у меня, дочери, сыновья, учились они. И замуж отдал, пятеро у меня дети, трое дочка и два сына. Одна в Атнинском районе живет, вторая в Балтасях жила, потом в Арске сейчас они. И одна дочка у меня в Казани. В Ново-Савиновском районе она работает врачом, ...и у них тоже сын есть. ... у меня самый младший сын в университете, второй курс... В армии отслужил, приехал, ...он же в КФУ учился и заочно сделал, и

сейчас работает в полиции Ново-Савиновского района... Самый младший у меня сын 23 года, он пока еще не женат, еще молодой. У меня самая старшая внучка ...в медицинском колледже учится второй курс. Они все хорошо, нормально учатся и хорошо живут».

М. говорит по-русски с акцентом, свободно владеет татарским языком, который выучил во время жизни в татароязычной деревне. Его дети владеют татарским и русским языками. Татарский язык для них – это язык коммуникации в родной деревне и в семье, язык школьного образования. Дети М. знают узбекский язык, он используется в семье, но реже чем татарский и в основном со старшим поколением. В семье просматриваются фильмы, интернет-ресурсы на узбекском языке. *«Они разговаривают тоже (на узбекском языке – прим. авт.), но внучка это не так. Они понимают хорошо, и телевизоры, и компьютер всегда узбекский смотрят. Интересно так, и такой и фильмы тоже. ... У нас дома по-узбекски редко разговариваем, по-татарски... и внучка, внуки все по-татарски разговаривают».*

«Узбекскость» сохраняется в жизни М. и его семьи. Его дети активно поддерживают связь с Узбекистаном. М. признается, что сам он из-за дороговизны авиабилетов и необходимости оформления загранпаспорта не ездит на родину, но традицию посещения поддерживают его дети, особенно те, которые родились там. *«...сейчас загранпаспорт надо, в Узбекистан поехать загранпаспорт надо. Раньше же российским паспортом, декларацию кое-что заполняли, да и туда, сюда летали, а сейчас загранпаспорт надо. У меня недавно старшая дочка тоже съездила в Узбекистан, ездила там, посмотрела. Она тоже, часто они тоже где-то отдыхают, где-то ездят. Они там родились».* Сам же он был в Узбекистане в последний раз двенадцать лет назад: *«...последние годы, 12 лет я уже в Узбекистан не ездил, потому что мачеха умерла, после нее отец умер, сразу за три месяца два трупа. Обоих я похоронил, поехал...».*

На вопрос о религиозности М. называет ее «современной»: в мечеть он ходит изредка, отмечает исламские праздники, иногда произносит мусульманские молитвы. Его дети воспитаны в религиозном духе, а одна из дочерей вместе с мужем соблюдает предписания ислама (держит Уразу, носит закрытую одежду). Информант подчеркивает, что ни он, ни его семья не являются религиозными фанатиками, и все они негативно относятся к радикальному исламу. *«Я не говорю такой: я в мечеть хожу, Ураза байрам. ...я, честно*

говоря, молюсь тоже, но не так. Я, как говорят, современный ... у меня дочка средняя, она тоже университет закончила, она держит. ... Не только Ураза, даже мусульманский одевается везде, зять тоже – они держат ... они никогда разным... делам не сунется, ... сам мусульманом считается, и такие есть, очень много сейчас же стали же».

Среди братьев и сестер М. стал единственным, кто переехал и остался в России. Все остальные живут рядом с родителями в Узбекистане, имеют семьи. Хотя у некоторых из них были попытки переехать в Россию, но они оказались безрезультативными: брат М. и его жена, получив российское гражданство, вернулись в Узбекистан, поближе к родителям. *«У меня там (в Узбекистане – прим. авт.) трое сестер, старшие меня есть и младшие двое есть. Они все с семьей хорошо, и два брата у меня есть, они тоже там живут. «Младший брат со мной приехал, работал, и невеста приезжала ... российское у них тоже гражданство было. Потом они в Узбекистан уехали, с родителями они там».*

Приехав тридцать лет назад в деревню Н-ского района, М. ни разу не поменял места жительства. Когда развалился колхоз, он пытался наладить сельский бизнес, занимаясь продажей картофеля и мяса. Возникшие проблемы с реализацией продукции вынудили М. забросить это дело. Личное подсобное хозяйство в его семье поддерживается сейчас только для нужд семьи. Полагающийся земельный пай на каждого члена семьи, проживающего в деревне, сдается в аренду хозяйству, занимающемуся обработкой земли. В связи с высокими затратами на корма, М. держит только пару бычков, корову содержать ему не выгодно. Респондент с ностальгией вспоминает активную экономическую жизнь советского села. *«Раньше в деревне же всякими делами занимались, примерно, мясо возили, картошку туда-сюда. ... Дома раньше скота держали, сейчас в деревне тоже тяжело. Вот эти инвесторы уже другой и потом люди тоже меньше скота держат, раньше же все, и корова... Бычки держу, бычки... А раньше же у нас своя корова, все было раньше и более-менее там, колхозы работали, корм тоже был. А сейчас тяжело там».*

В течение всей беседы М. неоднократно вспоминает СССР и проводит параллели с современностью, он воспроизводит удачные проекты межрегионального сотрудничества. Один из сюжетов связан с экономическими отношениями между Узбекской ССР и

ТАССР. Он вспоминает как при открытых границах и прямом железнодорожном сообщении из Татарии отправлялись автомобили, картошка, трубы для газопровода в Узбекистане. Оттуда поступала продукция – специи, хлопковое сырье. Он считает, что присоединение Узбекистана к таможенному союзу ЕАЭС будет способствовать улучшению экономической ситуации в этом государстве. *«Оттуда целый вагон со специями, вагонами они поступали, здесь давали. Потом туда мы отправляли, помогли тогда, для газа труба, машины, в общем, всякое: стройматериалы, картошка ... сейчас такого уже нету. Дорога там таможня, другой стал, сейчас опять пойдет, конечно, еще хорошенько пойдет. Если союзный Узбекистан тоже России присоединился бы, как союзные они же сейчас Кыргызстан, Армения, Белоруссия, Россия, Казахстан. ...уже границы для них открыты. Правильно же! Узбекистан тоже присоединится, еще лучше будет».*

Другой сюжет воспоминаний М. связан с особенностями быта советских людей, живших в Узбекистане и Татарии. Если в Татарии сельские жители не огораживались высокими заборами, тем самым оставляли открытость семейного быта, то в Узбекистане, наоборот, уже тогда семейная жизнь всячески скрывалась от посторонних лиц, в том числе и от соседей. Но даже в условиях закрытости жилища, люди постоянно общались, были в курсе всех дел, происходивших в соседних семьях. Такие же высокие заборы появились в сельских районах современного Татарстана, но соседи не общаются друг с другом, отсутствует взаимовыручка и взаимная помощь. *«Знаете, когда я сюда приехал, у татар, у русских решетка ... а в Узбекистане в деревне живешь, глиной трехметровый забор бывал же, забором (огораживались – прим. авт.) чтобы друг друга не видеть, огороды. ...А сейчас в Татарии четырехметровый кирпичный забор, чтоб друг друга не видеть, люди живут 50 лет, или он умер, или че-нибудь отмечает, если позовет, домой заходит, а некоторые соседей не знают. В Узбекистане они заходят, уходят, между собой общаются. Они же знают. Здесь такого нету. Сейчас здесь тоже такой дворец, а там заборы, там ничего не видно, здесь тоже уже хуже Узбекистана. Люди по другой начали сейчас жить. И в бизнесе тоже, они уже на все пошли, другой, а раньше же, извините, люди! Когда мы здесь жили в 1976–77–78, ... приезжаем, помидор привозим... Вахитов жил – председатель, агроном. У него была теплица, люди же три килограмма, два килограмма*

лук повесят. Вот такой лук клали, треугольники готовили, там полно мяса, картошка, но лук такой нету. Полно мяса, манты тоже не вкусный будет, а когда чуть-чуть, нормальный там лук тоже – это тоже вкусный. А сейчас у каждого домой заходишь, парник, огород, там чего только не растет, цветы какой разный. И погода тоже изменилась, раньше в сентябре уже считайте, последнее время в конце сентября уже снег, зима, шесть месяцев уже люди как говорят, отдыхали раньше. А сейчас вообще погода изменилась, зимой туфли одевают же, в туфлях выходят же, на машине кто ездит, туфли даже или осенние ботинки и все. ... мороза же нету сейчас здесь такого. И тут другой стал, и в Узбекистане люди тоже другие стали, жадность пошла, я тебе не оставлю, я тебе не оставлю. Гоняют так тоже. Здесь тоже такое, очень много таких тоже есть, но зато Россия все-таки, среди России Татарстан. Это молодец на всю сторону. Хорошо же, хорошо все это!».

Основная трудовая жизнь М. связана с поварской деятельностью. Проработав в колхозной столовой, он, когда в России открылись возможности для развития бизнеса, открыл узбекское кафе. Тогда в нем была задействована вся его семья, члены которой работали, помогали до тех пор, пока бизнес не окреп. Однако из-за проблем с арендой здания под кафе в Н-ском районе М. был вынужден его закрыть, но сразу же открывает другое, теперь уже в Казани. К работе в новом кафе подключается брат М. и его знакомые узбеки. «После этого я потом ... в Н-ский район. ...я там 10 лет поваром работал, узбекскую кухню открыл. ... Тогда жену, дочка у меня помогли. ...потом после этого кафе закрыли, как говорят, всем там, как территория ГАИ надо было уходить ... Так получился, бизнес этот ушел, потом я приехал в Казань. До этого в Н-ске работал, еще арендовал кафе три года у одного человека. И потом приехал в Казань. В Казани ... кафе арендуем. ... Ребята, у меня братишка средний помогал, он тоже сейчас в Н-ском районе, еще один кафе открыли там. А здесь я и узбек, который мне помогают ребята».

В кафе, которое принадлежит М., работают узбеки. Среди них предпочтительными для него являются те, которые постоянно проживают в Татарстане и имеют российское гражданство «...они же с Узбекистана, ребята приезжают же здесь, у них тоже гражданство есть, они тоже работали поваром. Вот одного взял вместе со мной, еще есть парень здешний, у него отец более 60 лет ...здесь живет». М. проводит границу между узбеками, которые приехали в

советское время и мигрантами узбеками последних лет. Он отмечает, что если раньше численность узбекской общины в Татарстане была небольшая и случайная встреча узбеков воспринималась с радостью, была распространена взаимовыручка, совместные праздники и семейные застолья, то узбеки постсоветской волны дистанцируются друг от друга, маркируя себя и «своих» по локальным регионам исхода. М. подчеркивает, что узбекская община стала разобщенной, «каждый сам по себе», пропало уважение друг к другу, а также взаимопомощь и взаимовыручка (например, перестал практиковаться сбор денег среди членов общины для организации похорон узбеков). Все это ему не нравится. *«Они (узбеки – прим. авт.) сейчас очень много в России. Там же тяжело, другой (Президент Узбекистана – прим. авт.) сейчас еще будет... после Каримовской. Там же тяжело работать людям. ... Раньше мы узбеки очень дружные, очень добросовестные, очень хорошие были здесь, друг друга увидим, даже плакали, обнимались, ... потому что сейчас очень много стали. И уважения друг другу нету, не общаются никак. ...у нас самым последним появился такой: это – киргизстанский узбек, это – таджикистанский узбек. ... Делятся... узбек – узбек, хоть в Америке живет узбек, хоть здесь, а они делятся. Кто это? А этот из Киргизии, который беженец-узбек, или это таджики, которые Душанбе беженцы... у нас же узбекская община есть. Их работа, чтобы хорошенько делать, а сейчас чуть-чуть деньги нашли, работает – да и все. Каждый сам себе хозяин, каждый другой, а раньше очень хорошие, очень дружные мы были. Всегда встречались, всегда праздник отмечали, всегда, кто-то умер, деньги собирали. Сейчас тоже есть такой, но не так, сейчас уже очень много стали (много узбеков – прим. авт.). За это уважение пропало».*

Одной из причин разделения узбеков стало появление государственных границ в Средней Азии, когда бывшие союзные республики обрели статус государств, а народы единого советского пространства, оказались расселенными по «новым квартирам». Социализировавшие в новых условиях узбеки – мигранты постсоветской волны, идентифицируют себя, прежде всего, с государством – регионом исхода. Этническая идентичность оказывается для них второстепенной. *«...некоторые, например, из Кыргызстана которые приехали узбеки, не так присоединяется (к жизни узбекской общины – прим. авт.). У них же гражданство все равно киргизский же, паспорт же... они*

(руководители узбекской общины – прим. авт.) *с ними тоже работают. Но не так, не клеится. Понимаете? Не клеится, как будто чужой ... есть некоторые хорошие отношение».*

При всей сложности взаимоотношений между разными территориальными группами узбеков, М. отмечает общее для всех них высокое желание работать в России, благодарит ее за такую возможность. Многие из узбеков постсоветской волны приезжают для того, чтобы заработать денег на решение конкретных проблем – покупку автомобиля, строительство дома, проведение свадьбы. М. с пониманием и сочувствием относится к этому, но ему не нравится меркантильность современного общества и традиционализм Средней Азии. Устойчивость свадебного обряда среди узбеков вынуждает молодое поколение и их родителей самыми разными способами зарабатывать деньги на его проведение. Семья жениха должна заплатить выкуп (калым) за девушку, размер которого определяется семьей невесты. Невеста должна иметь большое приданное. Зачастую, как отмечает М., это не посильная ноша брачующихся и членов их семей. *«...люди тоже стараются, потому что здесь деньги заработает, в Узбекистан отправляют же, они и дома строят, машины покупают, спасибо России. Если России не было бы откуда? А потом, здесь если 10 тысяч он заработал, в Узбекистане это большие деньги считается. За эти 10 тысяч они очень хорошо можно жить там, строят кое-что. А здесь люди хорошо заработают, туда отправляют, там же делают, и свадьба, и другой. У нас в Узбекистане до сих пор же это калым-малым, это же есть до сих пор. ... Сами орем, кричим: ничего нет, работы нет, тяжело, тяжело, а вещи же у нас хуже стали. В жизни такого не бывало раньше! Ладно сейчас коньяк, водка не поставляют, сухой чуть-чуть, но расход очень много же: дочку замуж даю, какие-то гарнитуры, даже квартира, машина мода пошла. У кого-то есть, бедному человеку тяжело».*

М. активно общается с соотечественниками как проживающими в Татарстане постоянно, так и с вновь прибывающими. По возможности он старается оказать посильную помощь работой или ночлегом, советом, несмотря на то, откуда прибыл соотечественник. *«Из разных. ... даже самаркандские, даже киргизстанские узбеки тоже бывают, приезжают или увидишь. А че там? Ничего такого страшного нет. Таким людям, если можно помочь, если возможность есть, надо помогать. Сейчас же видите же разные появился, жизнь же всякое: не знаешь, какой сидит, разговарива-*

ешь...». И эта помощь «своим» – явление весьма распространенное среди тех, кто осел в Татарстане. Все они стараются помогать оставшимся в Средней Азии родственникам, пересылая им небольшие деньги. Правда в последние годы такую помощь оказывать становится все сложнее. «...приезжают, земляки же все же, встречаемся. Приезжают, помогаем, советы даем. Такое тоже есть. Есть хорошие ребята тоже, очень хорошие, с семьей живет. Видите эта санкция чуть-чуть им тоже тяжело ведь стало. Раньше они чуть-чуть зарабатывают, в Узбекистан отправляют, хоть двести-триста долларов, тогда ценился, а сейчас двести-триста долларов они не могут отправить, потому что здесь нету же работы».

М. полностью интегрировался в российское общество. Все его пятеро детей получили российское образование, имеют работу, семьи, собственных детей – внуков информанта. Он не собирается выезжать из России. *«Куда сейчас? Теперь уже все дети здесь, все здесь. Куда я теперь? У меня у сына двое, старшей дочери двое, младшей дочери один, средний дочка один, шестеро у меня».* Ему нравится жить в деревне, нравится его обустроенный дом и быт. *«Я знаете, когда у меня хорошее знакомство, хорошая власть, хороший блат был, не думал никогда, не мечтал даже (уехать из деревни – прим. авт.). Тогда легче было и квартиру взять и другой, и хорошо заработали тоже, в Арске даже. Я в этой деревне мне понравился жить, и дом строили, коттедж ... и просто привыкли. А че там разница? Люди же сейчас в Казани живут, где-то дом строили ... В селе тоже сейчас везде асфальт, все есть: газ есть, канализация, вода – все есть же. И выходишь: там сад, все красиво».*

Владение русским языком и российской культурой – естественная часть повседневной жизни М. Эту жизненную стратегию он воспринимает как удачную и для тех, кто устремляется к жизни в России: *«Здесь иногда смотришь, радуемся, потому что дети здесь в садики ходят, по-русски разговаривают, вообще без акцента даже».*

Случай 2. «Миссионер»: роль религии

Информант С. – таджик, ему 43 года, родился и 18 лет жил в Таджикской ССР. С. из многодетной семьи (у него пять братьев и две сестры), и он *«родился в религиозной семье. У меня родители и дедушка все были религиозные. Я религия с детства знал, учился с детства религии»*. С. получил мусульманское образование: в детстве он посещал воскресную школу при мечети, изучал исламское богословие.

С. живет в России 26 лет. В 1990-м году он был призван в ряды вооруженных сил СССР. Службу проходил в Украинской ССР, *«город Харьков, Львов и Луганск – вот эти три города ... Служил во внутренних войсках, ВВ, то есть МВД. Закончил сержантскую школу, получил звание сержанта, внутренние войска. ... во время службы Союз распался»*. После службы в армии он не возвращается домой, а едет в Москву – туда, где появились первые исламские учебные заведения. Здесь *«как раз они искали учителей, то есть миссионера для провинции, чтобы учил людей. Тогда я был уже, можно сказать, готовый специалист по религии. ... потому что с детства я учился можно сказать, в воскресной школе при мечети»*. В Москве С. сдает экзамены, по итогам которого ему *«сказали, вы уже можете преподавать, лучшие мы вас отправляем в провинцию... Нас отправляли в Г. (город в Республике Татарстан – прим. авт.) в 1993 году. ... Я приехал сюда в мечеть. Открыли медресе, вечерняя школа и преподавали детям ... основы ислама и арабский язык»*. С. воспринимает себя в качестве миссионера, который стал обучать исламу местное население.

Первые годы С. работает *«в мечети преподавателем арабского языка, основы ислама и работал муэдзином, то есть помощник имам-хатыба»*. В 2008 году в городе Г. заканчивается строительство новой мечети и прихожане выбирают его имам-хатыбом. С тех пор информант трудится на этом посту: *«...когда построили эту мечеть и мне махалля, народ, прихожане, выбрали имам-хатыбом этой мечети. ... уже почти восемь лет я работаю в мечети ... имам-хатыбом»*. С. подчеркивает, что он был всегда ориентирован и воспитан в духе традиционного ислама ханафитского мазхаба. *«У нас был традиционный ислам ханафитским мазхабом, ... мы сдавали экзамен по-арабски, по религии, по религиозным законам, то есть по Коран»*.

В городе Г. информант знакомится с местной девушкой и у него появляется семья: *«...жена у меня ... татарка, мишарка и она еще была моя ученица. ... мы в 1997 году женились, свадьбу играли. Потом в 1998 году у меня первая дочь родилась, потом в 2005 году вторая дочь и в 2013 году у меня родился сын. Трое детей у меня». Неплохо у него сложились и взаимоотношения с местными жителями. Это он объясняет тем, «что я приехал как миссионер, поэтому меня встречали хорошо. ...там бывали люди, которые с трудом (воспринимали приезжих – прим. авт.). Но нам повезло, что нас встречали как миссионеры. Мы преподавали, нас учили, как мы нас уважали... слава Аллаху, мы научились традиции этого народа». Благодаря установке на освоение новой культуры информант быстро адаптируется.*

С. активно поддерживает связь с Таджикистаном: два раза в год он ездит туда, помог выехать в Россию всем своим братьям, периодически привозит к себе мать в гости. *«Мама жива, отец у меня умер в 2007 году, мама жива. Мама у нас буквально недавно, на прошлой неделе провожали, она четыре месяца была у нас. Зиму провела здесь... у меня и братья несколько, нас в семье семеро, семеро, братья, сестры, то есть пять братьев и двое сестры и пять из них живут в России у нас». Братья С. переезжают в Россию в связи с началом гражданской войны в Таджикистане и в поисках лучшей жизни и работы.*

С. активно сотрудничает с таджиками, которые когда то приехали и остались в городе Г., а также с трудовыми мигрантами. С временными мигрантами он проводит разъяснительные работы, оказывает им консультации и необходимую помощь. Семьи, которые переехали на постоянное место жительства в Г., С. старается брать под свою опеку: он оказывает им помощь в адаптации и в изучении русского и татарского языков: *«... я помогаю даже другим, кто старается, кто собирается жить в России, в Татарстане, в Г. Мы стараемся им помочь – землякам, чтобы они адаптировались, уважали обычаи, традиции, изучали язык местный. Поэтому у кого-то получается, слава Богу, у некоторых получается, что даже они изучают татарский язык». Одновременно С. стремится познакомить местное население с историей и культурой таджиков. Этим он заражает своих соотечественников. «Когда проводишь такие мероприятия, я смотрю на диаспору таджиков – им нравится это, они хотят показывать себя как нация, не как торгаши, там приезжие гастарбайтеры,*

как нация, что есть культура такой-то. И потом – интересно это все. ...другие тоже выйдут, смотрят тоже: «О, оказывается у вас история очень такая длинная, такие народы оказывается. А мы думали, что это только торгаши». И потом мы приглашаем очень много местное население».

Информант свободно, без акцента говорит по-русски. Это влияние советской системы образования. *«У меня в основном русский язык, я, в основном, говорю на русском языке – этого достаточно ... дети учатся в школах, в основном ставка на русский язык, чтобы самый главный. Но я как-то и старался, чтобы освоить русский язык. Мы и так, учили нас в школах, в советских школах, в армии служил».*

Приехав в Республику Татарстан, С. ставит перед собой цель: *«у меня еще был татарский язык освоить».* И успешно ее достигает. *«Татарский язык я выучил, можно сказать, за три месяца. Сначала мы общались на русском языке, потом потихоньку с бабаем начали изучать татарский язык, ...сначала два-три года как-то не очень так, трудно освоил, и когда начал серьезно заниматься татарским языком... три месяца серьезно занимался, потом свободно на татарском языке разговаривать начал».* Этому способствовала работа респондента: она связана с общением с татароязычным населением, чтением проповедей, вагазов на татарском языке. *«И слава Аллаху, что я даже его лучше знаю, чем родной язык. Родного языка я уже как бы забываю, а на татарском языке я много общаюсь, и вагазы читаю на пятничной проповеди – это все проходит на татарском языке. Поэтому на этом языке легче говорится, легче объяснять, легче думать. Я думаю даже на татарском языке».* Таджикский язык в связи с его редким использованием стал забываться.

Потерю знания таджикского языка С. наблюдает на детях, которые приезжают в Татарстан из Таджикистана. *«Они (приезжающие таджикские дети – прим. авт.) с трудом осваивают (русский язык – прим. авт.). Но в основном, кто живут уже пять-шесть лет, их дети уже ... забывают таджикский язык. Они уже, в основном, на русском языке общаются».* Дети мигрантов быстро осваивают русский язык: *«Племянница у меня учится – она первый год начал, язык совершенно не знала она. За год она выучила язык и стала одна из лучшей в классе, учительница даже начала хвалить. Она старается выступить во всех конкурсах, читает стихи, старается все. У нее получается с английским, с математикой хорошо».*

получается. ... даже учительница иногда приводит в пример подражания для других: «Смотрите: она пришла, когда ничего не знала, русский язык, языковой барьер был у нее. И в конце года как она успевала». Прожившие в России более десяти лет мигранты, свободно владеют русским и татарскими языками, а их дети полностью интегрированы в местный социум: они заканчивают образовательные учреждения, проходят обязательную военную службу. «Дети – они учатся, занимаются в России, сейчас выросли. Они уже солдатами служат, кто-то уже приехал с армии. ... сейчас дети таджиков они свободно разговаривают на русском языке, может без акцента даже разговаривают. Они уже адаптировались».

С. свою дальнейшую жизнь связывает только с Татарстаном, в Таджикистан переезжать не планирует. У него сильная ностальгия по СССР, он ощущает себя советским человеком: «Родина – это Россия, потому что я был гражданином Советского Союза. Когда мне всегда задают вопрос, я говорю в ответ: «Мой адрес не город, не улица, мой адрес Советский Союз». ... Потому что я был гражданином Советского Союза, я служил в армии, Союз распал, я даже не успел выбрать гражданство Таджикистана, я сразу перешел на российское гражданство, мне дали. ... я сам таджик, с Таджикистана, я там жил 18 лет почти, после этого я ушел в армию и остальные годы жил в России, в Татарстане». Для него гражданин любой национальности из бывшей союзной республики является своим, в отличие от взглядов его детей, для которых «не россияне» – это чужие люди. А он их чувствует «своими» и тяжело переживает по поводу их судеб в сложных ситуациях в бывших союзных республиках. «Я ушел молодым оттуда. 18 лет, парень, в армии служил, любил. Для меня до сих пор, как-то осталась любовь ко всем странам. Это для меня и Таджикистан, и Узбекистан, и Кыргызстан, и Россия, и Азербайджан, и Грузия, и Украина, Молдавия. Все как-то до сих пор кажется своим. Потому что заложили во мне эту всю любовь, в детстве. Это социалистическое – как-то до сих пор остается для меня – они как не чужие. Вот в Украине идет война, я переживаю, за обоих, за обоих переживаю. Где? В начале в Грузии или в Чечне, или там, не знаю, Литве – все равно как-то маленько задевает меня. Почему так? Мы же раньше как бы были единым государством. ... Одна семья были. Вот это до сих пор у меня осталось. Мои дети да, мои дети только думают о себе, о татарах, о России думают. Сейчас они (говорят – прим.

авт.) – *мы сильная страна. Слава Богу, с татарами, и россияне – все. У меня как-то, не знаю, например, хохлы, или белорус, например, вообще для меня как-то он свой. Понимаете? Или грузин, или узбек, или киргиз. А для моих детей? Они уже говорят: «Это чужие». Бывает такое – «не наши», «это, не россиянин». Такие разговоры слышу от них».*

Информант отделяет себя и от тех, кто приехал из Таджикистана в последние годы. Рассуждая о семьях, приехавших в Россию на постоянное место жительства, он неосознанно выстраивает границу, используя местоимение «у них». *«У них, у таджиков очень интересно, многодетные семьи, у каждого минимально по пять, по шесть детей, по четыре детей. Это у них традиция такая».*

Сейчас С. чувствует себя полноправным жителем Татарстана. Он очень доволен тем, что попал в регион, где поддерживается ислам, где он смог обосноваться, обзавестись семьей, друзьями, получить работу, которая приносит ему огромное удовлетворение. Информант гордится тем, что он имеет хорошие отношения с администрацией города и с местными жителями, тем, что он имеет возможность помочь прибывающим соотечественникам по самым разным вопросам. *«Слава Богу, живем хорошо, я очень рад, что выбрал именно Татарстан, то, что мне как повезло: я попал в Татарстан и женился на татарке, выучил язык, обычаи этого народа, дети мои, слава Богу, очень красиво разговаривают на татарском, на русском языках, на обоих языках».*

ВЫВОДЫ

1. Респонденты, представляющие вышеописанные кейсы, проживают в Республике Татарстан более двадцати пяти лет. Оба они – мигранты советской волны, попавшие в Россию для прохождения воинской службы. Один служил в Казани, где знакомится с местной девушкой и женится. Другой попадает в ТАССР по распределению исламского образовательного учреждения.

2. Информанты покинули родные дома в возрасте 18 лет. Оба – выходцы из многодетных семей. Специального образования до армии, информанты получить не успели. Один подрабатывал в столовой и в магазине, помогая родителям. Другой рос в религиозной семье и, обучаясь в средней общеобразовательной школе, параллельно занимался в воскресной школе при мечети, где изучал основы ислама и арабский язык.

3. Поскольку респонденты были ориентированы на успешную интеграцию в принимающем сообществе, их адаптация в ТАССР прошла быстро. У обоих респондентов супруги татарки. Сами они, довольно успешно овладели татарским языком, и он стал для них языком повседневного общения. Русским языком, благодаря советскому образованию, владеют свободно.

Один из информантов приезжает с женой и тремя детьми в родной дом супруги и поэтому не испытывал трудностей с жильем. Постепенно он построил собственный дом, в котором у него рождается еще двое детей. Вся профессиональная деятельность информанта связана с поварской деятельностью. Проработав 18 лет в колхозной столовой, он открыл собственное кафе, в котором трудится до сих пор.

Второй респондент, попав в Татарстан как «миссионер», поначалу испытывал трудности с жильем, жил в съемной квартире, в мечети. Потом, женившись на местной девушке, жил с супругой в съемном жилье. Накопив необходимую сумму, семья приобретает в собственность квартиру, а впоследствии дом. На данный момент респондент проживает с супругой и тремя детьми. Профессиональная деятельность его связана с религиозной службой – он имам-хатыб мечети.

4. Оба респондента в интервью часто вспоминают советское время. Один из них воспроизводит истории о взаимопомощи, существовавшей в то время между республиками, о межрегиональных связях – обмене товарами, продуктами и сырьем. Для второго – СССР, прежде всего, это братские народы, ощущение единства союзных республик, отсутствие конфликтов на национальной почве. Он и сейчас считает себя советским человеком. Поскольку оба информанта покинули родные дома еще в советское время, гражданами новых государств – Таджикистана и Узбекистана – они не стали. Они автоматически получили российское гражданство. Отсутствие гражданства республик Узбекистан и Таджикистан их не беспокоит, поскольку возвращаться на родину они не планируют. Но при этом они стараются сохранить в повседневной жизни некоторые элементы традиционной культуры (стремятся общаться на родном языке, соблюдать традиции и обычаи, поддерживают связь с соотечественниками).

5. Оба респондента подчеркивают, что проблем с общением с принимающим населением у них не возникало. Местные жители с

момента приезда относятся к ним положительно, ими при необходимости оказывается соседская или дружеская помощь. Татарстанское происхождение супругов информантов способствовало более быстрому вхождению их в круг доверия среди местного населения. Дети информантов не чувствуют себя чужими, поскольку все этапы социализации они прошли в Республике Татарстан. Оба респондента отметили хорошую успеваемость детей в школе, отличное владение русским и татарским языками.

6. Один из респондентов называет себя «современным» мусульманином. Он иногда ходит в мечеть, старается держать Уразу, соблюдать некоторые религиозные предписания. Одна из дочерей респондента вместе с зятем, живут по более строгим мусульманским законам (это ношение мусульманской одежды, обязательное прочтение Намаза и соблюдение других мусульманских предписаний). Трудовая жизнь второго информанта связана с религией. Любовь к исламу в нем заложили родители и старшее поколение родственников.

7. Респонденты активно пользуются этническими сетями и сами являются звеньями в такой сети, постоянно помогая приезжающим соотечественникам, а также, по возможности, сотрудничая с узбекской и таджикской национально-культурной автономией Республики Татарстан.

8. Оба информанта, имея российское гражданство и будучи полностью интегрированными в российскую среду, дальнейшие жизненные планы связывают с Республикой Татарстан. Таджикистан и Узбекистан они планируют лишь посещать с короткими визитами к родственникам. Дорогие проездные билеты, необходимость оформления заграничного паспорта и официальной регистрации своего пребывания в Таджикистане и Узбекистане не позволяют им совершать такие поездки часто.

ГЛАВА III.

«РОССИЯ – БОЛЬШАЯ СТРАНА. ТАМ НАРОД БОЛЬШОЙ И ПОТЕНЦИАЛ БОЛЬШОЙ». ОПЫТ «ПРОЖИВАНИЯ» МИГРАЦИИ РУБЕЖА 1990–2000-х гг.

Случай 3. «Азия», «Согдиана», «Золотая нива» – «любим мы готовить»

Данный случай охватывает истории жизни трех мигрантов, которые около двадцати лет живут и работают в Татарстане. Все они на момент исследования заняты в сфере общественного питания, имеют собственные кафе с национальной кухней.

Н. из Узбекистана, из Самарканда, мужчина. Ему 44 года, отец – таджик, мать – узбечка. На родине Н. имел небольшой бизнес (кафе), который *«открыл до 21 (когда ему еще не было 21 года – прим. авт.). У меня уже работали люди. Когда мне было 22, по моему, уже 15 человек под моим руководством работало. Где-то в 29 лет я уже почувствовал, что уже бесполезно работать, столько работаю, я топчусь на месте»*. Н. первый раз приехал в Татарстан в 2001 году, когда ему было 29 лет. Причиной стало то, что *«развития бизнеса не получается (в Узбекистане – прим. авт.). Тогда я уже начал анализировать: экономику России сопоставлять с экономикой Узбекистана. Я посмотрел тогда: Россия большая страна, там народ большой и потенциал такой (большой – прим. авт.). Видно было, что меняется в лучшую сторону. И я решил в 2001 году переехать сюда. Но я думал, все равно я думал, что заработаю один сезон, опять же на новое оборудование сделаю там (заработаю на новое оборудование – прим. авт.), в Узбекистане опять же буду создать свой такой же бизнес, который у меня был»*. Но возвращение не состоялось. Н. знакомится с местной девушкой, женится и остается в Татарстане. *«Когда я переехал сюда, встретил жену, женился и потом уже планы полностью грандиозно поменялись... в 2003 году я встретил девушку – местную девуш-*

ку – и женился. Сейчас у нас пятеро детей». Н. не планировал уезжать из Узбекистана, тем более что «меня оттудова ничего никогда не выталкивало». Он «подумал: деньги делаю, опять пойду (поеду – прим. авт.), своим бизнесом там, кафе буду развивать». Но изменения в личной жизни поменяли его планы.

Н. подробно рассуждает о причинах высокой миграции из Узбекистана. По его мнению, это отсутствие высокооплачиваемой работы и клановость в трудовой сфере. *«Все, которые сюда приезжают, в Узбекистане раньше жили очень-очень хорошо. И сейчас живут хорошо те семьи, которые уже на ногах. ... Узбекистан – маленькое государство, рождаемость большая, богатые семьи сохраняют свой бизнес для своих детей, внуков, а молодежь, которая вырастает – им же надо тоже машину купить, жениться. В Узбекистане жениться – это нелегко, нынешними деньгами, хорошие деньги нужны. ... ребята, когда работают там: ... день прошел – слава Богу. А цели, которые они уже поставили, они не достигают. Так как цели не достигаются, они уже ищут альтернативу. Уезжают в Южную Корею, в Европу. У меня очень много знакомых, у меня двоюродные братья в Америке, в Японии у меня друзья. Уезжают, потому что зарабатывать надо, приехать надо, сделать свои дела. То есть развивать свой бизнес, только из-за этого».*

Н., живя в Узбекистане, думал, выбирал регион вселения. Он советовался с папой, который не хотел его отпускать. Отец планировал, что сын продолжит бизнес в Узбекистане, но узнав о его настроениях, поддержал решение. Н. очень благодарен ему за это: *«Удивительно! Что я люблю в своем отце? Он никогда меня не заставлял. Я сначала ему объяснил, какое состояние, что у меня какие планы. Это было с детства. Он, по-моему, видел, что я говорил, какие планы строил и добивался этого. И когда я решил переехать сюда, он говорил: «Будет очень трудно без тебя, нам будет скучно. С Богом! Я где-то месяца два-три обсуждал, каждый раз анализировал. ... По-моему, он думал, может я буду помощником, так как у меня и до этого были кафешки в Узбекистане».*

Для Н. была важна близость традиций, обычаев, языка и наличие знакомых в регионе вселения. Он обращал особое внимание на российские регионы, в которых присутствует ислам. *«Думал, где будет мне уютно и где будет со мной им (местному населению – прим. авт.) уютно».* Интерес к исламу связан с тем, что Н. учился в медресе. Он колебался между Уфой и Казанью, но советуясь со знакомыми

трудовыми мигрантами, останавливает свой выбор на Татарстане. Он сразу приезжает в Казань, так и не побывав ни в одном другом городе России. *«Сразу в Казань. Казань, потому что здесь я увидел большие мусульман. Так как учился в Бухаре, заканчивал религиозную школу – медресе. ... И языки, и обычаи, и традиции – начальные эти очень похожи. Меня потянуло сначала в Уфу. Смотрю, в Уфе я никого не знаю, а здесь у меня есть кое-какие знакомые самаркандские ребята. ... Они просто приезжали, уезжали, там (в Татарстане – прим. авт.) делали свою работу, торговлей занимались. А я с детства сам вырос среди поваров, отец у меня повар. У нас это все семейное. Когда переехал сюда и занялся своим делом. ... Я спрашивал, интересовался, я знал, что Казань с Уфой более-менее (близки – прим. авт.), башкиры и язык на узбекский очень похож. И друзья у меня были, которые именно казанские, знакомые. Благодаря этому переехал сюда. Я не думал, что женюсь, останусь».*

Н., начиная со школьного возраста, интересовался общественным питанием. Он *«начал уже с шестого класса изучать поварские дела. То есть все, если отдыхали в лагерях (а я учился – прим. авт.). Я уже во время каникул начал интересоваться бизнесом, то есть и учился, и во время каникул обучался у своих дядей в кафешке. Вырос».* Н. отмечает, что *«очень помогло, по-моему, то, что я с детства это все делал, уже научился с нуля. Многим ребятам говорю, даже уборку делаю, влажную уборку я лучше, чем мои рабочие. Даже посуду мыть я наравне с ними, даже не хуже, чем они. Понимаете? Потому что я все эти стадии проходил».*

Первые три месяца пребывания в Татарстане Н. на съемной квартире занимается выпечкой и реализацией готовой продукции. В дальнейшем ему удастся арендовать здание под кафе. Именно оно становится основным бизнесом информанта, помимо которого позже у Н. появляется несколько арендованных точек в павильонах с продажей выпечки и шаурмы. В дальнейшем информант планирует развивать бизнес и приобрести здание под кафе в собственность.

«Н.: – Я квартиру снимал, первые три месяца в этой квартире делал самсу. Эти выпечки делал и на рынке продавал. Анализировал и деньги копил, чтобы где-нибудь найти какую-нибудь нормальную кафешку и начать свое дело. И через три месяца у меня получилось.

И.: – Сейчас у вас уже несколько кафе?

Н.: – Один кафе. Здесь у меня есть три-четыре точки – остальные как шаурма, такие маленькие павильончики. А кафе один сидячий. Они все в аренде, пока свое не получилось».

У Н. работают представители местного населения и соотечественники. Однако в приготовлении пищи участвуют только узбеки, поскольку информант считает, что восточную кухню должны представлять коренные жители Средней Азии и именно этого ждут посетители кафе. Местное население работает только на раздаче пищи или в санитарной зоне. *«Только профессионалы, которые работают именно в кухне. У меня должны быть профессионалы – наши люди, потому что и вкус, и все национальное... Народ смотрит, если заходит в восточную кухню: там не восточные люди, все европейские люди – уже люди по-другому начинают думать. Хотя они могут даже лучше готовить, чем мы, наши блюда. Все равно вид человека оказывается, то есть как у русских же есть: встречают по одежке, провожают по уму».*

Ф. из Таджикистана, женщина, 69 лет, таджичка. Она приехала с детьми вслед за мужем, который в Таджикистане работал водителем, но решил выехать на заработки в Россию в начале 2000-х годов и по совету друзей начал работать в кафе. Миграция была связана с тем, что *«эти года были тяжелые, девяностые годы. Муж говорит: «Я поеду на заработки».* Вначале *«он поехал в Россию, в Самару. Там он встретил друга своего. И он его потянул: «Поехали, там у нас есть кафе, может быть, поваром там будешь работать. Найдем тебе работу».* Так муж Ф. остается в Татарстане и приглашает к себе семью. Вначале приезжает старший сын, который в то время выезжал на временные заработки в Москву. *«Те времена были тяжелые, вообще с работой, развал этот. И он тоже в Москву на заработки (ездил – прим. авт.), а отец его уже из Москвы позвал к себе сюда: «Давай-ка приезжай, мне повара нужны, будем здесь работать».* А в 2003 году он нас позвал, я приехала, потом уже детей потянул за собой ... в 2006 мы уже переехали».

Вся семья Ф. начинает работать в арендованном кафе: *«Сначала на рынке работали, кафе там тоже было такое летнее, тоже снимали в аренду».* В 2010 г. ими приобретается здание под собственное кафе. Четыре года назад супруг информанта внезапно умирает из-за проблем со здоровьем. Весь начатый мужем бизнес Ф. и ее дети решают продолжить. Старший сын работает главным поваром, дочери помогают ему на кухне, ведут бухгалтерию. Ф. отмеча-

ет, что работа в кафе ей и членам ее семьи приносит удовольствие: *«Любим мы готовить. Вы знаете, от души, как дома готовим, здесь точно так же готовим. Вот таких, чтобы там – это не добавь. Мы даже добавим то, что не положено, чтобы было вкусно. В меню нет, например, а мы стараемся делать. ... от души, все от души готовим. Он (сын – прим. авт.) прямо с напряжением работает и весь потом уже к концу дня выдыхается. ... За пять минут, во-первых, народ заходит к нему, за пять минут все столы обслуживает. Уже и девчонки привыкли тоже: «Давай, давай, давай, давай, быстрее, быстрее».* Благодаря качеству обслуживания, по словам Ф., семейный бизнес имеет стабильную клиентуру и неплохой доход.

С момента открытия в кафе Ф. работают две местные девушки. В первые годы семья пыталась привлечь соотечественников, *«но проблемы с документами. Три месяца работают, уезжают. ... Сейчас въезд только через три месяца опять, у нас проблема с этим, и с документами».* Сейчас приезжие не работают в кафе Ф., но и качество труда местного населения ее тоже не устраивает: *«Здесь местные так не работают, как мы. И пьют, (работают – прим. авт.) до первой зарплаты. Понимаете? Даже хотя бы те же санитарочки, только вроде нормальная женщина, до первой зарплаты. Все! Исчезают, ни слуху, ни духу. А наши приезжают, они работают день и ночь. Хотя работают, но с документами проблемы. А здесь брали поварами тоже, тяжело, не могут. ... было бы: поработал, уехал, другой приехал. Эти экзамены, тяжело. Некоторые же в русской школе учились, как говорится, все мои дети в русской школе учились в Союзе, по-русски как-то все (говорят – прим. авт.). А кто сейчас приезжают, экзамен тяжело сдавать. ... с экзаменами чуть-чуть проблемы, тяжело. Так документы делают, регистрацию делают на три месяца. Все! Время подходит, надо уже выезжать».*

А. родился в Узбекистане, мужчина, ему 53 года, узбек. Он переезжает в Республику Татарстан в середине 1990-х годов. До этого пытался наладить бизнес в Вильнюсе и Белоруссии, но безуспешно. Однажды случайно в аэропорту Ташкента А. видит рекламный плакат, на котором позиционируется Казань как мусульманский город. Это его очень привлекло. *«Когда еще Узбекистан отдельно был, начался бизнес. Я хотел свою семью поднимать. Я в Вильнюсе был, бизнесом занимался, в Белоруссии бизнесом занимался, потом я хо-*

тел, когда работал, решил, что на какую-то республику надо идти. Бывает же – искать надо бизнес. Потом смотрю в аэропорту: Татарстан, мусульманский город. ... Аэропорт в Ташкенте. Я уже 20 лет назад улетал оттуда Ташкент сюда в Казань». Для А. до сих пор очень важно, что он живет в «мусульманском регионе», в котором он ощущает близость языков и обычаев. «Я Татарстан че люблю? Татарстан – мусульманская страна, обычаи одинаковые. Обычаи у нас мусульманские ... Уважение есть, язык почти одинаковый, обычаи одинаковые почти. Потому что в Ташкенте жили же все татары, они сюда приехали, они знают ... был там Узбекистан: ... русским – ты туда, татары идите в Казань. Такое время было тогда. Да, было». Уважение и толерантные отношения в регионе вселения очень важны для информанта.

А. начинает свой бизнес в Татарстане с небольших кафе с национальной кухней в центре Казани, недалеко от рынка. Именно здесь сосредотачивается множество его соотечественников и это воспринималось информантом как условие успеха бизнеса. Он особо подчеркивает, что в его кафе никогда не продавался алкоголь: *«там пива-мива не было, питание было, шаурма-маурма – вот такие были».*

Постепенно бизнес А. укрепляется. Большую роль в этом сыграли этнические сети: с помощью знакомых соотечественников он открывает магазин. Вначале *«тяжело было, потому что никто не знает, никого не знаем. Какое время было? Вы знаете, какие времена были... Черных не любили, бывает же всякое. Потом потихоньку-потихоньку бизнесом занимались. ... Потом еще своим бизнесом занимались: кухня, питание, свои магазин открыли... Потихоньку-потихоньку поднялись».* Сейчас А. сам оказывает помощь выходцам из Узбекистана: *«Вот, например, бывает, кто-то умирает. Это Россия же (сложно вывезти тело покойного в другое государство – прим. авт.). Может на стройке упадет. Своими силами собираем, весь груз делаем... вместе отправляем в свою Родину».* Информант стремится расширить свой бизнес. А. считает, что нужно проявлять активность и нельзя продавать или заниматься чем-то одним, должен быть разный ассортимент и разные виды бизнеса. *«Сейчас такое время, сейчас очень хорошее время, когда пять лет назад, сейчас кризис же, в стране кризис. ... Например, вот арбузом торгуют. Искать надо (разный – прим. авт.) бизнес, другие вещи, продуктами надо, только арбузами не надо. А бизнесмен не хочет это*

– банкрот. Он хочет развития дела. Для развития что надо? Для развития мозга надо. Один арбуз не надо. Груши надо поставить, ларьки, яблоко надо поставить, мандарины надо, винограды».

Итак, все три информанта работают в сфере общественного питания. Они предлагают национальную кухню, но лишь двое участников исследования отразили эту специфику в названиях своих кафе. У Н. кафе «Азия», Ф. и ее семьи кафе «Согдиана», потому что Согдиана – это наше, наш край, Согдийская область, согдийцы. ... Внучку Согдиана зовут тоже. И Руслан (сын – прим. авт.) говорит, давайте назовем кафе «Согдиана». Она родилась как раз Согдийская область. Согдийцы – народ такой был, таджики наши там...». Лишь А. не стал подчеркивать этническую специфику и назвал свое кафе «Золотая нива». Все три заведения предлагают не только восточные блюда, но и европейские. У двоих из трех работают соотечественники.

Все информанты имеют многодетные семьи. У Ф. трое детей и много внуков. У Н. пятеро детей. Вся семья Ф. (за исключением малолетних членов) задействована в бизнесе. Н. не заставляет супругу работать, но чтобы у нее были собственные деньги, он открывает для нее небольшой цех по выпечке кондитерских изделий для семейного кафе. «С детьми суббота-воскресенье. Остальные будние дни она помогает мне выпечки делать, торты делает». Н. считает, что согласно мусульманским обычаям, жена должна в первую очередь уделять внимание мужу, воспитанию детей и порядку в доме. Загружать ее какой-то другой работой он не имеет право. Семья Н. пыталась держать личное подсобное хозяйство, скот, но из-за нехватки времени, отказались от этой идеи. Сейчас у них только «...огород. Мы сначала козу держали, барашек держали – это оказывается не для меня. ... Не получается, у меня времени нет, а загружать жену этими делами тоже нехорошо. У нас, у мусульман жена должна обязательно следить за домом, за воспитанием детей, за чистотой, за огородом чуть-чуть и за собой самое главное, чтобы она всегда была свежая, всегда при настроении, всегда как бы молодая. Когда я прихожу с работы, я усталый, в нервах, на улице со всякими людьми, всех слушаешь, со всеми как бы надо общаться, чтобы они как бы не обиделись, общество всегда так бывает. Тем более что устал, на нервах, чтобы она была опорой, она как-то освежила нас. Если она тоже с работы придет, она точно такая же. Двое злых людей под одной крышей, по-моему, это уже

опасно. Она сейчас работает, приходит, сделала несколько тортов, выпечку сделала по-легкому. Четыре-пять часов поработает. Этот бизнес ее, то есть все деньги идут ее, чтобы ей было интересно, именно чтоб у жены свои деньги были».

Семья А. живет в Узбекистане. Он объясняет это тем, что супруга не могла переехать в Татарстан, потому, что поначалу она должна была ухаживать за престарелыми родителями, потом за маленькими детьми, а теперь за внуками и «они не хотят (переезжать – прим. авт.)». Хотя на данную ситуацию могло повлиять и то, что А. сам не очень настаивает на переезд своей семьи. В Казани у него гражданский брак с молодой женой – узбечкой. Ему удобно иметь две семьи, находящихся далеко друг от друга. А. поддерживает связь с семьей в Узбекистане: он считает себя ее кормильцем, а жена периодически приезжает к нему на месяц-два. Сам он тоже ездит к ним один раз в три-четыре месяца. *«Жена должна дома сидеть, вязать, жить там. Мы что делаем? работаем, работаем, деньги отправляем, семью кормим».* У А. трое детей, которые выросли и получили образование в Узбекистане.

Все три информанта чувствуют к себе толерантное отношение со стороны местного населения: *«Здесь живут очень удивительно хорошо. Русские, татары – никогда стычек не было. В межнациональных (конфликтах – прим. авт.) этих нет таких»* (Н.); *«Татары там, и чувашки, русские вроде бы там немножко, все нации там живут... Там очень хорошо нас приняли, уважали... прямо когда приезжали к нам кушать. Насчет этого никаких этих нет: что ты там таджик, ты узбек. Такого никогда не было, на этой почве никогда»* (М.). А., вспоминая конец 1990-х годов и его первые взаимоотношения с местным населением (*«Двадцать лет назад мы тоже горячие были. Там мафия была, бывает же – уличные ребята... Общий язык нашли, работали, нормально, какие-то (конфликтов – прим. авт.) не было»*), говорит: *«Все равно уважаю, Татарстан очень хорошо уважаю».*

Н. и сын Ф. стали руководителями городских национальных общин: Н. – узбеков, сын Ф. – таджиков. Узбекско-таджикское сообщество занимается организацией и проведением национальных праздников, участвует в подготовке массовых мероприятий, проводимых городом: *«...и Науруз, и Сабантуй, и Фестивали хлеба, и Дружбы народов – все мы организовываем. В основном стараемся с таджикской диаспорой вместе работать, потому что их много,*

а я один. ... Курбан байрам, Ураза байрам, Сабантуй, Наурузы, ашлар (совместная трапеза – прим. авт.) проводим. Вместе с администрацией мы ашлар благотворительные проводим совместно. ... Узбекско-таджикская, в основном (организовывает – прим. авт.). Мы стараемся, потому что плов – это таджикско-узбекское блюдо. По-моему, в городе нас уважают и на рынке когда видят – здороваются. То есть как пророк Мухаммед сказал: «Человек человеку зеркало»... Если хочешь, чтобы народ тебе улыбался, почаще улыбайся. И если хочешь, говорю, чтобы народ тебя не любил, не люби их, говорю» (Н.). Ф. рассказывает, что в общине «там праздники, в основном. Бывает, праздники организуют, Дом дружбы народов сейчас организовали, кабинет там (для общины – прим. авт.). Они помогли. Сами жители наши – это местные, сами организовали кабинет там. Разные сувениры национальные отнес (сын – прим. авт.), стол, еще что-то».

Информант Н. отметил, что установку на позитивные отношения с местным населением ему заложил отец перед отъездом из Узбекистана: *«Когда я из Самарканда выезжал, отец перед отъездом мне показал яблоко. Взял со стола яблоко, красное яблоко. «Какого цвета? – говорит. Я говорю: «Отец, он красный». Я знаю, что он мудрый человек, что-то хочет сказать. Разрезал его на две части, показывает – белое же. Я говорю: «Да, белое. В чем суть этого?» – говорю. Он молчит и улыбается: «Не все такие красненькие, приятненькие, розовенькие – говорит, – некоторые внутри белые, некоторые другого цвета. Ты уезжаешь не в Узбекистан, ты уезжаешь в Россию – говорит, – Татарстан. Если ты там будешь хорошим, и все будут с тобой в хороших отношениях, а если ты будешь нехорошим, тебе везде и всегда будут встречаться нехорошие люди. Уважай всех – говорит, – от алкоголика, от бомжей уважать начинай»... Я всегда своим рабочим, друзьям, которые оттуда приезжали, говорю: «Если хотите здесь жить мирно, по-доброму, знайте, что вы гости. И будьте любезны, ведите себя как гости. Когда мы же в гости приходим, мы обязательно как-то стараемся быть опрятными, стараемся быть деликатными, мягкими, за словами следить».*

Несмотря на то, что информанты чувствуют себя неплохо в регионе вселения, Н. отметил, что он иногда ощущает культурные различия между ним и местным населением. Он это почувствовал, когда нужно было решить проблему бездорожья на улице, на кото-

рой был построен его собственный дом. *«Местное население? ... Не знаю, сам всегда был с ними в хороших отношениях и ожидал от них тоже такого. Даже если не ожидаешь – это уже ожидается, потому что когда я дом построил, улицы разбиты. То есть, никак невозможно пройти, народ, соседи, оказывается, здесь не дружные были в моей улице, друг с другом не разговаривали. Я взял, да и нашел строительный мусор, заказал 15, по-моему, Камазов строймусора. Они начали засыпать где-то 100–150 метров. Народ выходит, смотрит, заходит. Мужики не выходят, женщины разведку делают. «Насыр, че ты делаешь?» Я говорю: «Улицу делаю». «Зачем тебе столько денег тратить?» «Нам говорили, что это святое дело: каждый человек будет проходить не по лужам, а по камням, то есть это будет нам благо. Пока эта дорога есть – это савап», – говорю. Они удивились, потом уже мужчины начали выходить. «Насыр, сколько ты потратил?» Я говорю: «Вот столько денег». Они уже начали: один тысячу рублей дает, другой две тысячи дает. Каждый Камаз сколько рублей стоит, я говорю, по дешевке привозят. И вот, таким образом, смотрю и уже начали дружно жить».*

Н., размышляя о культурной границе с местным населением, отмечает, *«...что у нас менталитет другой, то есть, любовь к матери, к отцу, к родственникам у нас».* Он объясняет это на собственном примере: *«Я друзей вожу каждый год, когда ребята хотят в Узбекистан поехать. Татары, русские здесь мои друзья, именно собираются со мной вместе. Я говорю: «Если у меня будете жить, экономия. У меня будете кушать, экономия. Я буду рад и наша дружба будет более (крепкой – прим. авт.). И гид вам не нужен – говорю, – чтобы с вами ходить я и мои друзья. Когда я приезжаю, я своими делами, а мои соседи их забирают, нарасхват. Они мне просто соседи, не родственники, не друзья. Понимаете? Забирают. Они хоть неделями их катают по всем городам, ни копейки не берут. А здешние ребята они не приучены к этому. Они удивляются: «Они твои родственники?» Я говорю: «Нет. У нас родственники так не делают». Говорю: «Соседи. У нас просто народ такой гостеприимный».*

Информанты, с которыми проводилась беседа, получили образование в советское время. Они хорошо знают русский язык. Все владеют узбекским (Н. и А.) или таджикским (Ф. и Н.) языками и в разной степени татарским. В узбекско-татарской семье Н. одновре-

менно используются три языка, но «в основном, татарский, в основном татарский и русский язык». Сам Н. говорит на узбекском языке, но он уже сам затрудняется определить какие слова он употребляет – узбекские или татарские. *«Я на узбекском стараюсь говорить. Они (дети – прим. авт.) уже говорят на татарском, по моему, узбекские тоже слова используют. Иногда жена говорит: «Я иногда путаюсь, – говорит, – это узбекское слово или татарское? ... Не знаю, совместные семьи, которые создаются, по моему, они интернациональные, намного лучше с языками справляются. Я даже по-таджикски разговариваю, так как у меня отец таджик, мать узбечка. Понимают меня старшие. ... мама (жена Н. – прим. авт.) говорит на русском, потому что я не знаю, им удобно. Хотя я сколько раз говорил: «Это некрасиво, – говорю, – забыть ана телен, родной язык. У нас узбекский говорят ана теле, родной язык забыть. Раз, говорю, родной язык, это у вас татарский язык, будьте любезны, сначала изучайте идеально и это не мешает знать другие языки. Всегда твержу своим детям: «Если человек не любит свой родной язык, он не будет способен любить чужие языки».* Н. имеет некоторые знания многих языков, которым научился благодаря общению со сверстниками, а также обучению в медресе. *«Футбол играли с ребятами с татарами, со всеми. Друзей много было и таким образом сейчас я знаю узбекский, таджикский, русский, татарский, арабский, персидский, турецкий языки. ... турецкий, арабский, персидский языки – мы изучали его в медресе».* Все информанты настаивают на знании детьми, прежде всего родного языка. Ф. отмечает, что она и ее дети свободно владеют таджикским языком, а вот внуки только на уровне понимания отдельных слов. В ее семье чаще используется русский язык. Татарский только на уровне дошкольного и школьного образования, внучка *«поет татарские песни, в садике же учат их. ... Я понимаю (татарский язык – прим. авт.), плохо говорю».*

В беседе все респонденты подчеркнули, что они мусульмане, но у каждого из них разный уровень религиозности. Н. старается жить, соблюдая все религиозные предписания: каждую пятницу ходит на намаз в мечеть, держит уразу. У него нет какой-то одной мечети, которую он посещает регулярно: *«Я меняю мечеть, постоянно, каждый пятничный намаз, потому что со всеми имамами я в хороших отношениях, в дружеских отношениях. Когда к одному иду, а другой спрашивает: «Почему к нам не идешь?» Чтобы всем*

удодить, со всеми чтобы отношения держать, надо менять мечети». Супруга Н. – мусульманка, получила религиозное образование в медресе, носит мусульманскую одежду. Хотя дети Н. «сами выбирают», но его «дочка с первого класса уже в платке ходит. Понижаете? Они стараются похожими быть на матерей просто».

В семье Ф. стараются жить по мусульманским правилам, одна из дочерей много лет держит уразу, читает намаз. Сама Ф. в мечеть не ходит, а лишь приглашает муллу, который периодически приходит в ее кафе и читает молитвы. Эту традицию заложил ее муж, когда он был «жив, он (мулла – прим. авт.) постоянно приходил к нам, читал. И вот это осталось. После него (мужа – прим. авт.) он уже три года этот дедушка к нам ходит. Сегодня тоже был. Он читает и уходит. Я ему садака даю или там угощу чем-нибудь». Ф. организовывает ифтары – ужины для малоимущих. «Сейчас ураза. Иногда собираются, здесь собираем благотворительность, для тех кто уразу держит, для дедушек, бабушек».

А., хотя и считает себя мусульманином, практически не практикует соблюдение предписанных исламом традиций и обычаев. Он надеется исправить это в будущем. «Честно говоря, че обмануть? Когда время будет, я зайду в мечеть. Нет, намаз не читаю, серьезно говорю. Альхамдулилля, когда-нибудь это будет, намаз не читаю, честно говорю».

Дальнейшие жизненные стратегии у трех информантов разные. Н., построив дом, имея свой бизнес и работая над его расширением, планирует жить в Татарстане, но «пока мои дети не вырастут и на ноги не встанут, я буду здесь. Когда уже постарею, я очень хочу вернуться в Узбекистан». Н. не исключает, что когда то он вернется в Узбекистан вместе с женой, которая не возражает против переезда. Супруга и дети были в Узбекистане, там им все очень понравилось. «В Узбекистан я всегда хочу вернуться. ... Я увез жену с детьми в позапрошлый год в Узбекистан. Они увидели Самарканд. Они увидели, как этот город такой красивый, они влюбились. Зачем вы приезжаете, говорит (говорят члены семьи Н. – прим. авт.), в Россию? Узбекистан же Ташкент, Самарканд, Хива, Ферганская долина – удивительное место. Каждый год езжу, меняются в лучшую сторону. «Вы же намного богаче живете в Узбекистане, чем в России. Зачем вам Россия?» Я говорю: «В России много денег, очень много возможностей и народ добрый».

А. ощущает себя временным жителем Татарстана. Он считает, что в пожилом возрасте ему необходима будет родная земля, родственники, семья. *«Родина есть Родина. ... Да, да, да, да, на Родину я поеду. Кто на тебя на старости лет смотрит? 70 лет тебя все равно твоя жена смотрит, дети смотрят – это восточная жизнь. Понимаешь? Все равно на Родину пойду».* В республике он живет лишь для заработка.

Хотя Н. и А. намерены в старости вернуться в Узбекистан, но вероятность того, что это произойдет больше у А. Дело в том, что Н. имеет гражданство Российской Федерации. Он подает документы на его получение сразу же по прибытию в страну. *«В 2007 году, по-моему, было такое, что очень было легко брать гражданство ... мне сказали: «сейчас есть такая программа, что когда временное проживание есть, не обязательно ждать вид на жительство. Можно заявление дать и можно получить гражданство».* Я подал, смотрели, проверяли, никаких изъянов нет. За шесть месяцев. Я вообще удивился. За шесть месяцев получил». Интересно то, что Н. специально не стал регистрировать брак. Он с женой *«...специально не расписывался, чтобы мне не говорили и не упрекали, что получил гражданство за счет жены – это для меня стыдно. Или женился, чтобы приобрести – это для меня очень неприятно. Я постарался, государство решил и мне очень, очень приятно. Это уже, уже, уже победа, я думаю».*

В отличие от Н., А. не является гражданином РФ. Несмотря на то, что он уже более 20 лет практически постоянно живет в Татарстане, документы на получение гражданства он никогда не подавал и сейчас имеет лишь патент на работу – документ, который должны иметь все временные трудовые мигранты. *«Вот Президент Путин сказал же: «Иностранцам лучше патент».* Деньги платим, как положено, вовремя платим, все документально. Но очень дорогой стал патент. Например, Узбекистана, киргизы – они в год, например, семь тысяч дают. У нас, например, 3300 что ли патент. Очень дорогие стали». А. не имеет собственного жилья, в отличие от Н. и Ф. Сейчас он старается передать бизнес старшему сыну, которому не очень нравится жить в России. В Узбекистане у сына А. осталась семья, двое детей, работа: *«(У него – прим. авт.) лицензия на дорогу есть, микроавтобус есть зимой. Я позвал. У него опыта нет. Привыкнет, привыкнет. Тяжело бывает, потому что семья его там, два сына у него».* Вполне возможно, что сын вернется в

Узбекистан, а вместе с ним и А., которому придется бросить бизнес в Татарстане. Другой сценарий – А. будет жалко бросать собственное дело и тогда он останется в республике навсегда.

Ф. не планирует переезд в Таджикистан, хотя признается, что *«строятся, там сейчас как Эмираты, но газа нету, света нету зимой»*. Она завещала детям похоронить ее в Татарстане. Когда Ф. перевозила тело мужа в Таджикистан, она столкнулась с огромным количеством бюрократических и денежных проблем. Она не хочет так обременять детей: *«Я им сказала, если я не дай Бог здесь (умру – прим. авт.), хороните меня здесь. Я мужа отвезла же туда. Ой, это было что-то! Как я намучалась! Я говорю: «Если б я знала...». Просто из-за того, что его мать была жива там, отец и мать живы были, поэтому я его увезла. Думаю, как воспримут, если я его захороню здесь? Но если бы знала, что такие мучения и ему, и мне, я бы его здесь похоронила. У меня мулла сказал: «Зачем вы его увезли? Там мусульманская, здесь мусульманская (земля – прим. авт.)». Из-за родителей я его увезла. ... в Казань в морг увезли туда, его вскрывали. Когда вскрывают, документов очень много надо. Он семь дней в морге в Казани лежал, потом в аэропорту были проблемы, там специальный самолет какой-то. Намучились дети, без конца каждые два-три дня из Казани звонят: «Привезите то, привезите это». Туда-сюда, короче намучились, намучились. И после него уже потом мать умерла через полтора года, потом отец. Возраст у них был: у матери 90, отец 97 лет, так что они хорошую жизнь прожили. Но он молодой ушел, 62 года, ни с того, ни с сего, резко умер»*. Завещание о собственных похоронах является свидетельством того, что Ф. навсегда останется в Татарстане. Она имеет гражданство РФ, которое помог ей и детям оформить ее покойный супруг до своей смерти. Он *«все нам помогал, сам бегал»*. Родственники Ф. стараются сразу подавать документы на оформление гражданства для приезжающих членов семьи. *«Зять приехал. Сейчас у него двое детей тоже здесь»*.

Ф. имеет квартиру, что тоже является существенным фактором ее закрепления в Татарстане. Приехав в республику, Ф. и ее семья поначалу живет в съемной квартире. Выплатив кредит за здание под кафе, раскрутив бизнес до стабильных доходов благодаря качественной работе и вкусной кухне, семья приобретает квартиру. Для этого снова оформляется кредит. Ф. и ее близкие родственники подсчитали, что выплачивать кредит выгоднее, чем платить за съем.

На данный момент информант живет вместе с дочерью, ее мужем и двумя внуками. *«Снимали квартиру. Шесть лет квартиру снимали здесь. Потом начали работать. Мы даже это здание приобрели в кредит, работали, кухня у нас хорошая. Руслан (сын – прим. авт.) у нас знаменитый, как говорится, почти по всему Татарстану, считай. И зарабатывать начали, кредит выплачиваем. Уже выплатили, считай, потом еще в кредит купили квартиру себе. Потому что нас попросили квартиру освободить, хотели продать. Мы были вынуждены уже купить. Думаю, давай, свой угол. Дети со мной эти живут: зять с дочкой, двое детей. В школе учится сын, дочка в садик ходит. На «отлично» внук окончил школу, третий класс, в четвертый пойдет».*

Все информанты активно поддерживают связь с регионом исхода. Н. признается, что его *«до сих пор тянет (в Узбекистан – прим. авт.), каждый год один раз во время Уразы еду».* Ф. постоянно контактирует со своими сестрами, которые ежегодно приезжают к ней в гости: *«Они каждый год на Новый год приезжают ко мне».* Сестры *«уже третий год ...приезжают к нам»* на *«три месяца, одна, правда, пораньше уезжает, потому что у нее работа. А вторая без работы. Она у меня сидит на три месяца, два с половиной, к регистрации поближе потом уезжает».* Ф. уговаривает кого-нибудь из них переехать к ней: *«Младшая (сестра – прим. авт.), я ее уговариваю: «Давай, приезжай, документы делай. Я здесь, как-то легче будет через меня тебе сделать. Хочу, чтобы кто-нибудь хотя бы один (переехал – прим. авт.)».* Ф. понимает, что благодаря наличию у нее гражданства она может помочь своим родственникам.

Случай 4. Экономика «для своих»

Этот случай объединяет истории трех представителей Узбекистана и Таджикистана. Все они родились в этих регионах, два из них – социализировались, а в середине 1990-х годов – первые годы 2000-х переехали в Татарстан. У них разные истории жизни, но объединяет сфера современной деятельности – они трудятся в «экономике для своих», т.е. сами будучи мигрантами оказывают разные услуги другим мигрантам.

Два информанта – это отец и сын. И. – отец, ему 54 года, таджик, родился, вырос, получил высшее образование, работал в Тад-

жикистане. Р. – его сын, ему 24 года, таджик, родился в Таджикистане, образование общее среднее. Решение о переезде семьи было принято во время начала гражданской войны в Таджикистане в 1992 году. И. вспоминает, что выезд из страны инициировал отец, который стремился уберечь детей от войны, но сам отказался уезжать. *«... я сам ... живу в этом городе с конца 1994 года. У нас всем понятно, что с 1992 года началась гражданская война. ... Это мы не виноваты, это нам создавали это война ... Помогли (в развязывании войны – прим. авт.) люди, которые очень много денег зарабатывали: какие-то генералы, какие-то еще. Я не говорю против какой-то нации, но были такие. ... у меня родители, отец сказал: «Пусть кому войны надо, пусть воюют. Нам не надо, вы – дети молодежь».* И. тяжело вспоминать войну в Таджикистане, он возлагает вину в ее разжигании на отдельных людей и защищает «простой народ».

Свой миграционный путь И. начал с Узбекистана, поскольку слышал, что там проживает много таджиков. Там он два года живет и работает на заводе. *«Я с 1993 года, сначала 3 января поехал в Узбекистан. ... я 1988 году заканчивал сельскохозяйственный институт. В свое время работал в райкоме комсомола, Управление архитектуры там и начальник автовокзала там работал... Когда приехал в Узбекистан, начинал работать и когда они меня видели. Через два месяца я стал начальником производства хлопкового завода. Понимаете? Когда тебя увидят: у человека талант. А так, кто я такой? Приехал из Таджикистана и мне такой узбеки сказали: «Кто он такой, откуда приехал?» Через месяц я работал, дал результат работы ... Директор сказал: «Он мне нужен. Он будет начальником производства».* И. очень гордиться, что его очень быстро повысили – назначили руководителем цеха. Но, несмотря на складывающуюся карьеру, он решает уехать. Его приглашает друг-татарин, который когда сам жил в Узбекистане, но переехал в Россию, в Татарстан. И. прислушивается к совету, переезжает и убеждается в правильности выбора, т.к. чувствует близость культуры принимающего сообщества. *«Потом у меня был один друг, татарин. Он в Узбекистане, но он приехал сюда Татарстан, приехал в Л-ский район. И мы иногда созванивались... Потом я не знаю почему, но вижу, что Татарстан – мы как-то и религия один у нас, и того, и того, много чего такого. Приехали сюда. Потом в город М. Приехали в город М. Уже, если считать, 22 года».*

Его сына Р. привозят в Татарстан маленьким ребенком, в пять с половиной лет. Сам переезд был большим событием для мальчика: ему запомнилась долгая дорога на поезде и автобусе, первое знакомство с городом М. и впервые увиденные нефтяные качалки. *«Для меня это что-то новое. Я помню пустыню Казахстана, верблюды. Долгая поездка была. Я честно не могу вспомнить, где нас высадили. Я помню, что долгая поездка у нас на автобусе еще была. И тогда в 1995-м, получается, в 1996-м, конец 96-го года был, увидел первый раз нефтяные качалки. Для меня это было прямо«о-о» – чудом. И ассоциация у меня почему-то сложилась, что эти качалки только в России потом уж со временем. Помню в М-ский район приехали. Тогда, к сожалению, она была не такая красивая, как сейчас, такая мрачная до меня, темный, незнакомый город. Жили, росли. ... Пять лет – почему-то все это помню. Школы разрушенные, дома, у нас гражданская война была».* Одновременно в памяти Р. всплывают впечатления от переезда, нового города и война в Таджикистане. Страшные картины не забылись даже после более двух десятков лет.

Третий информант – В., ему 35 лет, узбек, родился, вырос и получил высшее образование в Узбекистане. Здесь родилась его жена – ребенок от смешенного брака. Ее мать родилась в ТАССР, но уехала в Узбекистан, где вышла замуж: *«...жена, теща моя родом отсюда, она здесь родилась в свое время. ... отец – татарин, мать – чувашка. Вот такой смешанный брак. Она в свое время, когда была маленькой, уехала в Узбекистан, в Хорезмскую область. Туда с мамой уехала и там выросла, там замуж вышла, родилась у них дочь – моя супруга».* Переезд В. в город Н. Республики Татарстан был вызван желанием его жены и тещи вернуться на историческую родину. Сам В. говорит, что *«приехал из-за любви».*

Само решение о смене места жительства в семье В. было принято постепенно. Теща информанта начала заниматься челночной торговлей и для ведения бизнеса часто приезжала в родной район Татарстана, к родственникам. Она видит и сравнивает жизнь в регионе исхода и вселения. Так появляется желание уехать из Узбекистана. Теща мигрирует не одна, приглашает дочь с семьей. Молодая семья решает сначала попробовать пожить в республике (они никогда не были в Татарстане). Им нужно осмотреться. Первыми выдвигается жена В. и его дети. *«Потом, после развала Советского Союза, когда начался челночная торговля, она (теща – прим. авт.) сюда*

ездила, приехала к своим родным, близким, торговала. ... тогда был Октябрьский район. Мы приезжали туда, она торговала частенько. В феврале месяце – в марте 2002 года она уже говорит: «Поедем, там поработаем». Хотели приехать, поработать, уехать, вместе все. Детей взяли. У нас тогда было двое детей. Сейчас старшей 16, среднему 15, маленький пять лет. ... в 2002 году приехали, жили, торговали. Я приехал в 2002 году в августе, они на полгода раньше меня приехали. Я там у себя работал на станции, на железной дороге работал. Сюда приехал и вот так остался». Семья и сам В. начинают обустраиваться: «Дети в садик пошли. Я работал на стройке, индивидуальный предприниматель: занимаюсь строительством, отделочные работы всякие. И с 2004 года, как сказать, началась моя бурная такая жизнь. Я уже начал: бригаду набрал себе, с людьми такой больше связи нашлись уже, общался, друзей приобрел». Отец В. поддерживал решение сына об отъезде: «Отец? Нет, он никакие препятствия. Он мне говорил: «Где тебе хорошо, в ней и будь». Никаких!»

Через пять лет жизни семьи В. в городе Н. жена и теща решают вернуться обратно в Узбекистан. Сам В. не уезжает, поскольку он обустроился, наладил собственный бизнес, обзавелся друзьями. Прожив около года в Узбекистане, жена и теща возвращаются обратно. Начиная с 2008 года, В. навсегда обосновывается в Н., строит дом. Семья подает документы на получение российского гражданства. Так заканчивается история их миграции. *«Начал развиваться потихоньку. И 2008 году, что ли ... 2007 год в сентябре решили обратно возвращаться в Узбекистан. ... тут супруга настояла, говорит: «Давай, поедem» ... Я говорю: «Езжайте» ... потом у нас еще ни квартиры, ничего такого не было, в съемной жили квартире. ... потом что нажили, было немало, все продали: мебель там, все, все, все и я их отправил. Они уехали... Я остался. Я говорю: «Чё это я туда поеду? Уже четыре года, пять лет я здесь. Я с работой уже все, оттуда уволился. Пока я туда приеду, пока опять это все восстанавливать буду. ... Я лучше здесь буду работать. Я тебе (жене – прим. авт.) буду деньги высылать». И в итоге ... она с тещей, с мамой поехали. И в 2008 году нет, говорит, нет, наверно, обратно поедem... Прожили они, приехали они в сентябре. Детей надо было отдать в школу. Закончи, говорю, первый класс, в мае приедешь. ... май пришел, они быстренько обратно приехали. С 2008 года я тут обосновался. Дом в деревне построили себе маленький такой, где мама*

живет сейчас, теща живет. Там старенький домик был. Мы его сделали, газ провели, воду провели. Сейчас у нас и баня, и дом, двор большой – все, слава Богу, короче. И с 2008 года мы начали, обосновались как бы, подали здесь документы... получили вид на жительство. ... В 2012 году они уже получили паспорта Российской Федерации. Я получил в 2015, в ноябре прошлого года. ... Все мы сейчас граждане Российской Федерации. Все отлично!». Какое-то время семья В. живет без прописки, но это не доставляло им каких-то проблем, «потому что тут город маленький, всех знают налицо».

Р. и В. хорошо помнят первые впечатления от нового города. В.: «...первый год, когда приехал, думаю: «Куда приехал, зачем приехал?» Я говорю: «Айда, обратно поехали. Нет, давай, давай поработаем». На следующий год приехал в сентябре: осень, грязь, в деревне там этот маленький домик был. Все страшно, грязно..., сейчас уже более-менее. Зато газ есть, вода есть, все такое». Серая картинка сохранилась в памяти В. до сих пор. У Р. же впечатления позитивные. У него все началось с неформального общения, игр со сверстниками. Так он освоил русский язык, знания которого закрепились в школе. «К сожалению, в садик я уже не успел ходить. Единственное, что я успел – это учить русский язык в течение полтора года, потому что в 7 лет я уже в школу пошел. Благодаря тому, что общался с мальчишками, которые во дворе жили, подружились, не зная русского языка. Не помню, как-то с ним общался». Как он считает, ему очень повезло и со школой: там он попал в интернациональный класс. Со многими одноклассниками Р. до сих пор активно общается. «Вообще мне прямо как-то так удачно попало то, что передо мной был выбор: татарскую школу хотели, в русскую... Мы решили, что для меня татарский еще хуже, тяжело будет и я пошел в русскую школу. И вообще так удачно попал: в одном классе был еще один таджик, армянин был. ... в плане того, что были иностранцы. Изначально у нас так сложилось – очень хорошо начали общаться и все друг другу очень хорошо относились. То есть там такого (конфликтов – прим. авт.) не было. У нас класс был особо дружным, не давал себя в обиду. Если честно, я даже не знал, что там таджики еще учатся. Как-то мы сидим – он на русском, я на русском. Думаю, он не понимает, что я таджик, я не понимаю, что он таджик. Хотя могли бы по именам понять, что это таджик. ... И через где-то какое-то время узнали друг друга и дружили все это время. И класс у нас такой, несмотря

на то, что у нас интернациональный был класс, очень дружный был. Может, скорее всего, это одна из причин, то, что мы были из разных национальностей – это сплоченность».

В беседе информанты подчеркивали, что местное население, соседи оказывали им всяческую помощь и поддержку на начальных этапах адаптации. В свою очередь сами мигранты тепло отзываются о местном населении, благодарят его за то, что приняли, осуждают тех, кто делит людей на «граждан» и «не граждан». И.: *«С местным населением какие проблемы? Если какая-нибудь молодежь по-пьяни что-нибудь скажет – неприятно. А так чтобы там этнические эти: я – ты, ты – такой, я такой – такого у нас в городе нет, не было. Вот в каком году это было, массовые столкновения были. ... Это молодежь была, не помню, начали писать в газете, с соседями, с местным населением начали спутать. ... Все они граждане Российской Федерации, будь он кавказец, не кавказец. Он родился здесь, вырос здесь. Просто молодежь чё-то не поделили и из-за этого раздули такую большую (проблему в СМИ – прим. авт.)».*

У информантов старшего поколения большие семьи. И. – сам из многодетной семьи, приехал в Татарстан, имея трех детей. За время проживания в республике у него рождается еще семеро. Девять здоровые, одна дочь – инвалид. И. специально останавливается на том, как его многодетную семью «поощряет» республиканская власть. *«В 2009 году президент Татарстана Рустам Минниханов дали «Слава матери» (медаль – прим. авт.). Да, вот такого дали жене, как многодетная семья они сказали. Это никакой помощи не дает, потому что у меня кроме десяти детей, дочка 1997 года – инвалид детства, ничего не соображает. ... в 2009 года Год семьи объявили, было собрание там, всех позвали, одному там шестеро детей – квартиру дали. Другому 300 тысяч дали, 200 тысяч дали, того, того и сказали: «Рахмат». ... какой-то цветы, какой-то там подарок они дали нам».* И. много говорит о своей семье. Подробно рассказывает про детей, которые учатся в школе, имеют успехи и достижения, активно занимаются спортом. Подчеркивает, что его старшие дети встали на ноги, трудоустроены или имеют собственный бизнес. Жена – домохозяйка.

В., переезжая в Татарстан из Узбекистана в начале 2000-х годов, уже имел семью и двоих детей. Третий ребенок появился на новом месте жительства. Его супруга работает сестрой-хозяйкой в местном роддоме, старшие дочери учатся в школе, младший сын хо-

дит в детский сад. Сам В. – ребенок из многодетной семьи, связь с ней никогда не терял: *«Отца всегда уж поддерживал, высылал ему деньги. ... У нас в семье девять детей... у меня самая младшая сестра она работает в Твери, там она работает на заводе. ... Остальные все, остальные в Узбекистане трудятся и живут».*

Р. еще не успел обзавестись семьей, только планирует ее создать. У него был неудачный опыт семейной жизни с девушкой-таджичкой, брак с которой был заключен по исламскому обычаю *никах*. Семья распалась из-за разницы в воспитании, во взглядах на жизнь молодых. Сейчас Р. хотел бы связать свою жизнь с татаркой, тем более, что *«со стороны родителей нет давления, чтобы своих».*

Информант поддерживает связь с родственниками, оставшимися в Таджикистане и Узбекистане. И. постоянно помогает тем родным братьям и сестрам, которые приезжают периодически на заработки в Россию. Он оказывает помощь и тем, кто постоянно живет в Таджикистане. И. старается сам ездить туда, навещает родное село и престарелую маму. Его отец, когда был жив, приезжал в Татарстан, навещал детей и внуков. Мама из-за проблем со здоровьем не приезжала ни разу. Однажды И. вывез всю свою большую семью в Таджикистан, внуки смогли пообщаться с бабушкой и другими родственниками, *«даже Курбан байрам отмечал там, целая неделя там. Все хорошо».* Несмотря на то, что *«все хорошо у меня, машины, друзья, но меня тянет обратно туда».* И. на всякий случай построил дом в Таджикистане. *«Там один большой дом, 25 соток – здесь одному братишке дом построили, здесь второму, здесь родительский дом посередине. Пока с 2011 года они оба (братья И., работающие в России – прим. авт.) здесь, их жены смотрят. А я где-то пятьсот метров дальше в деревне, у меня тоже свой частный дом, построили, новое все там. Знаешь, пока я не знаю – поехать? Все равно, пока я живу лучше, построили дом, стоит».* Информант не исключает того, что он когда-то вернется в Таджикистан.

Р., несмотря на то, что уехал из Таджикистана будучи совсем ребенком и очень долго (в течение 14 лет) не бывал там, испытывает особые чувства к этому государству. Он называет Таджикистан Родиной, для него это место, откуда его корни, где живут его родственники. Но Родина для него одновременно и Татарстан – место, где живут его друзья, где происходит активное развитие региона.

«Р.: – *Каждый год собирался (съездить в Таджикистан – прим. авт.)... у меня основная причина была в том, чтобы поехать к род-*

ственникам. Родственники все приезжали. И уже такой весомой причины у меня не было, чтобы поехать. Я окончил школу, потом один год жил в Эмиратах. Когда вернулся, уже был 2010 год, и я решил поехать ...на родину. Тогда, спустя столько лет, почти около 15 лет не был, поехал. Она, конечно, изменилась в лучшую сторону. Там развитие! Просто как я помню, когда я еще уезжал...

И.: – Вы приехали. Не было же войны. Не возникло желания вернуться на Родину? Жить там?

Р.: – Было, было. ... Чувство или как правильно сказать, любви к родине никогда не терялось, но я себя чувствую прямо так уверенным, как говорится, в своей тарелке именно в Татарстане, поскольку все мои друзья. ... Да, там родственники, дедушка, бабушка. Родственники есть, но все равно как-то уже ... Тянет сюда (в Татарстан – прим. авт.). Более двадцати лет живем. Для меня родиной Татарстан стал. Две страны, которые я люблю. ... И там, и здесь, но, тем не менее, так желания не пропадало, что я больше не буду уезжать. То есть всегда желание есть. Я чем потрачу деньги, допустим, не знаю, Таиланд или куда-то, куда-то еще, лучше деньги потрачу для того, чтоб съездить на Родину, там же и отдохнуть, там же увидеть своих родственников.

И.: – А вернуться и жить там?

Р.: – Вернутся и жить? Это вопрос тяжело для меня пока. ... Да, пока я здесь. И опять-таки, я говорю, Татарстан для меня как родной. То, что она на глазах меняется. Например, Казань за последние пять-шесть лет она во многом уже (изменилась – прим. авт.). Для меня такая гордость, когда я даже приезжаю в какую-нибудь другую страну, я с гордостью говорю: «Я из Казани. Приезжайте в Казань. У нас очень красиво». И так даже выезжая за пределы Татарстана. Недавно в Москве был, все равно такой патриотизм остается к Татарстану».

Подобную четко выраженную идентификацию с регионом вселения не удалось зафиксировать у информантов И. и В. Возможно, это связано с возрастом мигрантов: региональная идентичность быстрее формируется у молодого поколения, которое социализируется в новом сообществе «с пеленок».

Все информанты работают, их деятельность связана с оказанием разных услуг для мигрантов. К ней они пришли постепенно. И. вначале занимался бизнесом, работал директором агропромышленного предприятия. Он с гордостью отмечает свои трудовые и чело-

веческие качества, благодаря которым его, таджика по национальности, назначали директором сельскохозяйственного предприятия. *«Если я скажу, что, например, это народ плохой?! Я сам плохой. Всегда должен человек благодарен. Я в этом городе может быть 90 процентов начальства города хорошо знал, с ними работал. И с того момента я как руководитель этот любой вопрос таджик у меня всегда заходил».* Нарботанная репутация позволяет И. решать проблемы таджиков, приезжающих в его город. Для информанта это стало общественной работой. Он добился официальной регистрации «Общественной организации таджиков» (ООТ) и более 17 лет является ее бессменным руководителем.

И. стал посредником между прибывающими в город таджиками, теми, кто живет в нем постоянно и муниципальной властью, руководителями предприятий и организаций, местным бизнесом. С его помощью рекрутируются рабочие-таджики в Таджикистане для работы в городе, он помогает трудоустроиться и тем, кто уже приехал. *«Например, они мне звонят и говорят: «Нуждаются водители». Я напишу, у меня кабинет есть (компьютер – прим. авт.), напишу там: вот так, так, так. Например, я помогу этому человеку и он работает, зарабатывает и у них уже водители хватает».* Все это, со слов И., он делает на безвозмездной основе. *«У нас, например, тот же руководитель общины никакой зарплаты, иногда лишние расходы».* Для него удовольствие помогать соотечественникам, он искренне переживает за тех, кто обращается к нему за помощью по самым разным вопросам. *«Иногда знаешь, смотрю, какой-то бабай приехал кого-то искать. Нету (не находит – прим. авт.). Отправили его ко мне домой. Пришел старик домой, два-три дня накормлю, потом уйдет он в Москву или куда-то. Мне придется билет покупать, провожать. Как его оставляю? Кто мне помогает? Государство? Нет».*

И. подробно рассказывает о том, что ООТ функционирует в тесном взаимодействии с муниципальной властью. *«На сегодняшний (день – прим. авт.) новый глава, который сейчас приехал в нашем городе, он молодой, но он молодой очень энергичный, очень уже два-три раза нас принял, побеседовали. Почетную грамоту нам дал. ... лично мы в общественной организации каждый год четыре-пять раз видимся в этом городе».* Информант особо подчеркивает, что община принимает активное участие в жизни города: в субботниках и не брезгует самой грязной работой, участвует в про-

ведении городских праздников, совместно с другими национальными общинами помогают Дому инвалидов, оказывая им спонсорскую и физическую помощь, ремонтируют местные мечети. *«Особенно нам дают где-то гаражи, где-то грязное место, иногда мы в день семь, восемь, девять КамАЗов мы руками грузим мусор. Знаешь – трудно, но мы живем здесь, мы должны участвовать в любом виде. И мы помогаем, например, мечетям, особенно. Например, Уская мечеть – мы года три-четыре назад меня позвали, там дорожки нет, кругом надо штукатурить... И много субботников в год мы иногда. Хотя никогда не слышал, что таджики, азербайджане, узбеки в субботнике (вместе участвуют – прим. авт.), четыре-пять раз субботник делаем в год. Вот просил поехать в Дом инвалидов... Там помогли там инвалиду в районе, по 10–15 тысяч туда-сюда покупали и мы, и узбеки, и азербайджане – все вместе».*

Для И. все, что делает ООТ – это естественная обязанность представителей таджикской общины как граждан города. *«Потому что раз мы здесь живем, надо уважать этого народа. Правильно?».* Он рассказывает о трудовой деятельности таджиков. Это не только работники с низкой квалификацией, но и доктора (один из которых стал «Врачом года»), учителя, сотрудники общественного транспорта. Все они являются профессионалами в своем деле. *«У нас не просто такие простые, у нас около 10–12 доктора живут здесь. Что особенно с 2005–2006 года здесь есть доктор – кардиолог, терапевт стал доктор года («Доктор года» – это общественная премия–признание профессиональных заслуг – прим. авт.). Умеют много работать: «В автобусах много есть человек где-то 8–10 таджики, которые в автобусе, троллейбусе работают... по полторы смены работают».* И. рассуждает и о строителях-таджиках, которые облагораживают город. *«У нас два-три строительной фирмы тоже есть, которые на сегодняшний день почти 50–60 процентов встретятся в нашем городе благоустроечных. Работают таджики в этом городе».* Все это – предмет гордости для И.

Другим руководителем национально-культурной общины является В. Его основная трудовая деятельность связана со строительством. Начинал он с разовых, небольших заказов, но постепенно, благодаря высокому качеству своей работы, заработал авторитет профессионала. Сегодня он уже не ищет работу, *«когда меня стали узнавать, то есть работу я не искал, стали искать меня. Я человеку сделал, я себе сделал рекламу. Слава Богу, и сегодня знакомые,*

через люди-люди, сарафанное радио передают, кто хорошо работает, кто, как делает, качественно делает. И так я до сих пор в течение более 10 лет этим живу, этим работаю».

В. работает в бригаде из своих соотечественников, которую сам сформировал из братьев, других родственников, соседей, знакомых. *«Раньше я специально приглашал, они приезжали, работали ... Сейчас у меня здесь племянник двоюродный, он работает, мать его, она торгует, ходит, по деревням ездит ... я лично свои двоюродные 10 человек у меня приезжали и очень хорошо даже поработали».* Одновременно информант занимается общественной работой – помогает приезжающим соотечественникам. Просьбы о помощи часто носят правовой характер и связаны с оформлением временного или постоянного проживания, легализацией работы, оформлением документов на родившихся в РФ детей узбеков. Иногда к нему обращаются мигранты-узбеки в связи с поиском жилья, оказанием медицинской помощи и прохождением медицинского осмотра. В. выступает организатором, переводчиком, советчиком.

«В.: – Проблемы, проблем, как сказать, в каждой семье есть... Ну вот каких-то серьезных таких больших проблем, слава Богу, нету. Бытовые у каждого человека в семье есть, которые в кругу семье остается, не выносятся, а этот (эти проблемы – прим. авт.), допустим, насчет нашей общины. Люди сюда приезжают работать, кто-то уезжает, кто просит помощи помочь, допустим с документами, делать прописку там, квартиру как получить. Мы собираем несколько человек, отправляем в Казань. Медосмотр они проходят не по одному. Допустим, приехали пять-шесть человек, пять человек поехали. ... Я нанимаю таксиста, они уже едут ... Я говорю: «Вот туда проходите». Медосмотр проходят. Общаются, кому-то перевод надо помогать ... допустим, у тебя документы не хватает, этого не хватает. Туда приезжают, рождают тоже, которые рождают, им в посольство надо ехать, какие документы, куда.

И.: – Специально приезжают сюда рожать?

В.: – Есть такие, да.

И.: – Чтобы получить гражданство?

В.: – Гражданином не становится. Просто у них свидетельство о рождении будет Российской Федерации. ... Это дает этому ребенку получить дальнейшее гражданство Российской Федерации, а в зависимости после этого и получают родители. ... у меня брата супруга приезжала, как раз здесь родила. Мы поехали,

там нам сказали, какие документы собрать, приезжали, документы собрали. Нам сделали этот, паспорт и они поехали на Родину».

Одна из главных проблем для тех, кто приезжает на работу, по словам В., это прописка. Он старается помочь соотечественникам, некоторых прописывает у себя дома, другим подыскивает жилье, владельцы которого готовы прописать мигранта. *«Те ребята, которые приезжают на работу, они прописываются в одном месте. Приехали, допустим, ко мне, они прописались, я их прописываю. Они же у меня дома не будут жить. ... И вот административное правонарушение. Преступление в районе нету, слава Богу, чтобы и не было его со стороны именно граждан Узбекистана. Именно чтобы граждане Узбекистана что-то там натворили, что-то такое было, такого нет. ... приехали, один день у тебя будут жить, два дня, три дня, ты пропишешь, он же твой родной. ... Неудобно: тут жена, дети. Давай я сниму квартиру. Все, он уходит на квартиру. А сейчас после этих ужесточений... ребята, которые приезжают работать, я их знаю всех, кто приезжает работать. «Раис абый, мы хотим работать, дай работу». Я говорю: «Ты приехал. Где хочешь жить?» С хозяином разговаривал, он квартиру нашел. Я этому человеку говорю: «Пропишете». «Мы пропишем». Все! Он их прописывает, они там работают, они документы, патент получают».*

В. отмечает, что в последние годы работы у него стало меньше, т.к. снизился приток мигрантов-узбеков, ужесточились правила работы иностранных граждан в РФ. *«В связи с экономическими (проблемами – прим. авт.) упало. Раньше со сложностями (работали – прим. авт.), начали сейчас по новым законодательствам: патенты, русский язык играет роль, медосмотры многие, про медосмотры, которые узбеки не проходят... раньше такой преграды не было».*

И. и В. работают с мигрантами – таджиками и узбеками на безвозмездной основе (по крайней мере, очевидных выгод авторам не удалось зафиксировать). Другое дело Р. Он создал бизнес на предоставлении услуг мигрантам. Свою трудовую деятельность он начал с того, что вместе с напарником, также мигрантом из Таджикистана, открыл офис по продаже специальных тарифов на звонки от известных операторов сотовой связи, для мигрантов, которые часто звонят в Среднюю Азию.

«Р.: – Да, я не работал, не на стройке, не на рынке. Я просто подумал, чем можно заняться. И самое актуальное – это было то,

что можно привлечь людям сотовую связь... Попытался здесь, у меня не получилось, дозвонился до Москвы, в Москве очень хороший друг есть. Вышел на официальных дилеров Билайн. Он меня свел с ними. Они мне дали тарифы, чтобы могли ими в Татарстане пользоваться. И я начал заниматься именно сотовым направлением.

И.: – Для приезжих получается?

Р.: – Для приезжих, именно для приезжих. ... Да, публичные тарифы, а есть непубличные тарифы. Это, в основном, они делают как корпоративная связь для организаций... они для нас именно делают такие же сим-карты, чтобы организация строительная, чтобы мои рабочие между собой общались. Билайн, допустим, бесплатно, и звонки на Родину там были не 4 рубля, а 2 рубля. ... И они мне подобрали очень-очень хороший тариф. И когда они мне дали условия (я не занимался и я не понимал – это хорошие условия или плохие) и решил поговорить с человеком, который этим уже занимается ...Мы знакомы были, семейные друзья приезжали, особо так не дружили, потому что я жил в Альметьевске, он в Казани. Я говорю: «москвичи мне предлагают такой-то тариф, я начинаю с ними работать, условия мне такие-то дают. Как ты думаешь, условия хорошие? Поскольку ты уже занимаешься не только Билайн, Мегафон. В любом случае условия там и порядок одинаковые». ... Он говорит: «Давай увидимся». Я в Казань приехал, мы виделись, это было начало 2013 года, и он предлагает мне совместно работать, у него есть Мегафон, у меня есть Билайн. ... И мы объединились, открыли офис...».

Своих первых клиентов Р. и его друг находили сами: они работали в кафе, мечетях, размещали рекламу и объясняли предлагаемые услуги. Сейчас у них сформировалась целая сеть сотрудников, благодаря которой появилась постоянная клиентура. Бизнес дает хорошие показатели. *«Мы как начали делать? Прежде человек (мигрант – прим. авт.), он в первую очередь идет в УФМС. Сходя в УФМС он, естественно, в выходные будет стараться идти в мечеть или же в азиатские кафешки, где они в основном тусуются, потому, что они не знают другие места, они и не пойдут в другие места, они не пойдут в европейскую кухню. Они пойдут только в азиатскую. Раз они приехали, значит мы их можем там увидеть. Мы договариваемся, допустим, находимся у дилеров, в каждом городе находим своих субдилеров, находим человека, который будет развивать нашу сеть. Соответственно, имеет проценты какие-то определенные, он то-*

же в интересах. Он, допустим, уже приходит, ставит наши рекламы в каждом кафешке, даем бумаги, чтоб заполнили паспортные данные. И вот таким образом первая поездка сначала было в Самару, не в Татарстане, в Самару ездили, после этого начали развиваться в Оренбурге».

Интересно то, что Р., открывая собственное дело, поначалу столкнулся с непониманием со стороны отца, который не верил в успех мероприятия. И, как и любое новое дело, в самом начале оно не давало дохода, но как отмечает респондент, он верил в успех и добивался своей цели. У него все получилось.

«Р.: – К сожалению, у меня родители не верили все это. Отец у меня такой вообще человек. ... Вроде нужная вещь, на самом деле, это же получается все в выгоде, и вам выгода, и тем, кто приезжает выгодно: если они дешевле могут общаться. ... Он как-то не видел в этом потенциала какого-то. «Ты занимаешься не тем, что надо, ты меня не слушаешься» – были такие разногласия. Я был уверен, что он это оправдает. И, честно говоря, первые три месяца Билайн нам ничего не оплачивал, потому что только мы начали развиваться (для того, чтобы нам оплатили, нужно определенные баллы показать). Спустя три месяца, у нас абоненты уже проговорили на 12 с чем-то миллионов рублей. Это в первый год! Конечно, не все это наши деньги, там у нас небольшие проценты. Объемы уже были хорошие, показатели хорошие были и после этого нас заметили, и у нас был уже прямой договор. А до этого мы работали через одну организацию.

И.: – Сегодня у Вас сколько примерно абонентов?

Р.: – Наверно около 20 тысяч абонентов.

И.: – Они постоянные? А если они уезжают, то сохраняются?

Р.: – Если они сохраняют номер, то для нас это плюс, потому что у нас Билайн, он идет пожизненно. То есть как абонент подключился, до последнего момента, как он будет пользоваться, у нас идет определенный процент».

Оценивая перспективы своего бизнеса, Р. видит их большими.

«Р.: – У нас вообще наша организация она одна из лидеров пока, может быть в скором времени кто-то появится, не знаю. Хотя желающих много было, но они уже благодаря тому, что мы очень поспешили, охватили жирные места, они не конкуренты для нас.

И.: – Получается, у вас основное – это Казань и Альметьевск?

Р.: – Юго-восток Татарстана, Казань в группе у нас».

Р. считает, для успеха в бизнесе, ему необходимо пробовать новые направления. Все они, так или иначе, связаны с оказанием услуг для мигрантов. Благодаря земляческим связям с сыном одного из руководителей центра по трудоустройству и адаптации мигрантов, именно ему было предложено развивать направление на юго-востоке Татарстана. На данный момент региональное представительство центра, возглавляемого Р., оказывает ряд услуг, которые оплачивают мигранты. *«У нас, во-первых, бесплатная юридическая консультация идет. Человек обращается к нам для того, чтобы максимально облегчить свою долю задач для того, чтобы собрать перечень документов. Что нужно? Какие документы мне необходимы для того, чтобы подать документы на разрешение для работы? Это паспорт, регистрация, миграционная карта, дальше ему надо медицинский осмотр, пройти тестирование русского языка, сделать перевод паспорта, получить ИНН, заявление на выдачу патента, заключить трудовой договор с работодателем. И во всем этом мы помогаем. ... они, приходя в наш офис, они делают все это в одном месте, им не нужно ходить куда-то, для них это уже легко. И мы им объясняем, что нужно делать, мы просто спрашиваем: «Какие у вас документы?» Нам показывают: вот у меня паспорт. Исходя из того, что у них есть, мы уже дальше: вам нужно вот это, вот это, вот это. Также переводы, все у нас нотариальные переводы там же в конторе у нас делаются. То есть у нас есть переводчики, переводчики готовят, идут к нотариусу, нотариус проверяет, ставит печать. Тестирование также у нас проходят. То есть мы все документы готовим им как правильно, чтобы уже они знали. У них уже во всем облегчение идет. И не нужно ходить там, если это все самостоятельно делать, это надо искать, где находится перевод, он находится в одной части города, экзамен сдать. ... Потом фотографию делают в другом месте где-то копию, где-то заявление, и все это. ... Им удобно к нам ходить. Они допустим, они не знают русского языка хорошо, они не могут подойти к вам, допустим, если даже откроет местный житель, они не могут ему объяснить то, что они хотят. Им проще, конечно, прийти к нам, разговаривать на своем родном языке. Допустим, у меня в офисе есть девушка, которая понимает узбекский. Она сама узбечка, выросла в России, но она прекрасно владеет и русским, и узбекским языками. Пришли, она им все объяснила, они уже понимают. Им же, конечно, этот барьер самый тяжелый*

для них, если первый раз тем более приехал. ... Мы им все объясняем, говорим, как надо все сделать, какие необходимые документы они обязаны всегда носить с собой, когда им можно работать, когда нельзя. Указав, что ты подсобный рабочий, ты обязан работать только подсобным рабочим. Если тебя задержали, допустим, у тебя в патенте написано подсобный рабочий, а ты работаешь крановщиком – все! За это у тебя штраф. Все законы мы объясняем, чтобы они не нарушали и работали спокойно».

Компания Р. предоставляет услуги по подготовке и приему экзамена по русскому языку у мигрантов.

«Р.: – С того года мы начали заниматься с мигрантами, работать: это прием экзаменов, сертификат.

И.: – По русскому языку?

Р.: – Да, у нас в городе находится офис. ... как этот закон ввели и как начали проводить экзамены, один из лидеров начал развивать. И, естественно, юго-восток Татарстана он предложил мне, потому что он меня хорошо знает, то, что я с его сыном работаю, у нас никаких финансовых (проблем – прим. авт.). У нас так хорошо, что у нас с двух слов мы друг друга понимаем с другом. Ради денег мы никогда не ругались. Если что-то у нас не получалось, это был обидный минус. ... Учителя приезжают из Москвы. Да, отправляют из Москвы, они принимают и уезжают. ... С 1991 года кто аттестат об образовании, среднего образования не получил, они обязательно. Но кто уже после 1991 года, после развала Союза, они обязательно должны сдавать экзамен русского языка. ... Обучение проводим. Мы консультации проводим, они (мигранты – прим. авт.) хоть на пару занятий (придут – прим. авт.), мы объясняем, рассказываем. Они все это запоминают просто, проходят экзамен. ... Мы работаем с РУДНОм – одним из лидеров».

Р. на вопрос о том, как выстраиваются финансовые отношения с мигрантами, отмечает, что иногда, когда у приезжего нет денег, они складываются на доверии. Правда были случаи, когда клиенты исчезали, так и не заплатив за предоставленные услуги. В этом случае информант испытывает обиду.

«Р.: – С пустыми руками приезжают и предлагаешь тоже. И мы тоже, если уже уверены, что он приехал, за него ручается определенный человек, который я знаю, что он отсюда, тогда я уже делаю ему рассрочку. Конечно, мы понимаем ситуацию: то, что он приезжает сюда не откуда-то, не с того места, где нету работы,

и соответственно возможностей нету. Мы что-то берем под свою ответственность. Бывали люди, что приходили женичины. Разные ситуации. У кого-то нет с собой денег, были такие люди, которым я просто бесплатно делал документы.

И.: – А были такие: вроде как-то договорились, что вернет потом, но не вернули, обманули, уехали?

Р.: – Были, очень большое количество. ... Да, вроде бы там особо небольшие (деньги – прим. авт.) – по две, три, четыре тысячи. Бывает 70 тысяч было один раз. Лето, допустим, один не заплатил около 30 тысяч.

И.: – Как с такими? Стараетесь их найти?

Р.: – Если честно, обидно то, что так поступают. Я в душе очень добрый человек. Хотя есть много вариантов, чтобы их просто депортировать на 10 лет, чтобы он большие сюда не приезжал и понимал, что он плохо поступает».

Все интервью шли на русском языке и все три респондента без затруднений вели беседу, но при этом специфический акцент и неправильное произношение некоторых слов был замечен. Старшие информанты – И. и В. – успели получить образование в школах с русским языком обучения, они также активно практиковали его в повседневном общении с окружающими и семьей. Самый младший Р. получил образование в Татарстане и его русский язык практически не отличается от произношения обычной городской молодежи республики, хотя до приезда в регион он его практически не знал, *«потому что жили в Таджикистане, там потому что жили в районе, не в столице. В столице основной на русском разговаривали. В районе у нас особо русский язык не развито и из-за этого разговаривали на своем языке».*

Все три информанта понимают татарский язык, могут прочитать на нем и немного изъясниться. Эти знания они получили благодаря общению с татароязычным населением. *«Татарский я, несмотря на то, что учился в русской школе, я понимаю, понимаю и что могу отвечать, конечно, отвечаю русско-татарскими там словами, не могу полноценно ответить, а так понимаю. ... Да, потому что мы дом построили в селе. Это близко к городу у нас. Но, тем не менее, там, в основном, татары живут. И все лето че делать? Катались на великах и ходили там, помогали бабушкам. Эбилэр (бабушки – пер. с тат.) – они все на татарском только общались. Прислушивались, понимали слова потихоньку».*

Все три информанта владеют таджикским (таджики) и узбекским (узбек) языками. Все они считают обязательным знание языка своей национальности. На них они предпочитают общаться с членами семей и соотечественниками, но подключают и другие языки. Вот как описывает бытовое общение В.:

В.: – Мы на своем родном языке, на хорезмском общаемся (с соотечественниками – прим. авт.), дома на узбекском с супругой, когда к маме, теще, она тоже на узбекском говорит, она у меня и на чувашском умеет разговаривать, и на русском языке, и на татарском, три-четыре языка...

И.: – Дети узбекский язык понимают, говорят свободно?

В.: – Да, бытовом таком языке, писать не умеют. ... Не умеют, понимать-то понимают, писать не умеют. Маленький, мы на узбекском говорим, он понимает, на русском отвечает он».

И. культивирует знание трех языков – русского, татарского и таджикского. Он считает, что это благо для его детей. *«Мы, например, десять детей, семь малай (мальчиков – пер. с тат.) – они очень хорошо разговаривают на татарском языке, очень. Плюс и русский язык. Почему? Потому что, во-первых, он должен знать свой язык – таджикский, потому что если кто не знает и не уважает свой язык, он не человек, первый. Но потом, мы живем в Татарстане, надо научить ихний (татарский – прим. авт.) язык. И конечно, русский язык – это союзник, как говорится, основной. Надо его научить всем».* Его сын Р. солидарен с ним, он считает, *«...что свой родной язык нельзя забывать, потому что это надо передать своим детям, внукам. Несмотря на то, что хоть мы и живем в другой стране, но свои обычаи, свои традиции они должны быть сохранены, потому что дух народа держится в своих обычаях. Я думаю, что если этого не будет, то она распадется, сплоченность потеряется».*

Информанты считают себя верующими, называют своей религией ислам. Они стараются соблюдать традиции и обычаи, читать намаз, ходить в мечеть. В. отмечает, что для приезжих характерно посещение определенной мечети. Там появляется возможность общения с соотечественниками, обмена новостями. Представители узбекской общины сообща проводят *ифтары* – совместные трапезы-разговения. *«Понедельник, да, понедельник в мечети делали ифтар. Те, которые ходят в мечеть, как положено, держат уразу. ... они уже граждане Российской Федерации, ходят в мечеть. Те, кто приезжает на работу тоже, кто хочет, кто держит – ходят в*

мечеть. ... это те, которые на рынке торгуют, ребята организовали (ифтар – прим. авт.). ... потом оттуда поехали ребята плов с этого кафе нашей. Сразу хозяин сказал: «Я буду, хочу это сделать». Там уже поддерживать: давай, давай, давай, пошли, поехали. Кто-то плов, кто-то еще».

Старшие информанты подчеркивали, что негативно относятся к радикальным течениям и указывали на то, что независимо от того, какой религии придерживается человек, все должны уважать законы Российской Федерации. *«Знаешь, религия ислам – наша религия. Мы, например, лично я уважаю законы Российской Федерации. Мой религия, он очень дорого стоит, очень. У нас, например, все дети намазы, Кораны все знают. Мы, например, никакого такого, сегодня как идет на телевидении того, того, где-то террорист – я против этого. Но я должен уважать свою религию. ... Мы если живем по религии, везде будет порядок, потому что, например, сейчас говорят исламисты, террористы. Это неправильно. То, что ислама я, например, против, потому что я мусульманин. Сейчас дай мне миллион доллар, скажет: иди кого-то убивать – я против. Потому что, например, старший сын у меня заканчивал русскую школу и у него почти 80 процентов дети – они все были русские. Там Саша, того, того, того – все эти классы они вместе были. Они иногда ко мне приходили, ночевали. Сейчас они стали такие, все 25, 27 (лет – прим. авт.). Сейчас я их вижу какой-то любовь, как свои дети. Как я буду? Это же нельзя! Мы все перед Господом люди. ... Я всегда выступаю и говорю: «Слушайте, братья. Вот церковь и через двести метров мечеть. Ради Бога, идите и в церковь к кому-то». И в церкви или в мечети никто не скажет: воевать, убивать, обманывать. ... говорит Божий закон: чтобы уважайте друг друга, создавайте семьи, работайте, не обманывайте. Это хорошо. ... Мы живем в России, уважаем законы Российской Федерации, но мы должны одеваться по-своему, мы должны уважать свою религию, наши дети должны знать Коран. Это долг, кому-то нравится, не нравится. Нам это не интересно. Правильно?».*

Все информанты являются гражданами Российской Федерации, имеют стабильную работу, собственное жилье, у них сформирован круг общения. В., который поначалу сильно сомневался в правильности решения о переезде, теперь уже твердо решил, что на родину возвращаться не будет. Его дети ходят в школу. Сейчас он с семьей снимает квартиру в городе, но как гражданин РФ после рож-

дения третьего ребенка получил земельный участок. В планах В. строительство собственного большого дома для своей большой семьи. Он себя идентифицирует с городом, в котором он живет. К нему он испытывает эмоциональную привязанность. *«Я сам в Казань, если поеду, я не могу там оставаться, меня обратно сюда (в родной город – прим. авт.) тянет. Все равно, если поеду, мне домой охота. Хоть завтра опять в Казань ехать надо, я сюда приеду, ночь проведу в семье, потом обратно поеду. Не знаю, как магнитом тянет, засосало здесь, засосало».*

И., несмотря на то, что находится в Татарстане дольше других респондентов, имеет большую семью, собственный дом и квартиру, не загадывает о будущем. Как человека, которого война заставила покинуть родные места, И., оценивая современную политическую и экономическую ситуацию, рассуждает об отсутствии стабильности и уверенности. Он уповает на Бога. *«Были такие времена, которые братья русские, татары поехали в Таджикистан. 40–50 лет жили там. И потом эта война, которая создавали, кому-то надо было. Они все уже приехали сюда. И с Узбекистана, и с Киргизии – все приехали сюда. Просто это такое время... им тоже не нравится, но они приехали. И кто знает, что будет? Может быть мы тоже лет через два-три поедem туда, может быть через лет 10. Это Аллах знает. Мы делаем такие планы, но Аллах делает другой план... Это много че говорим, но Аллах чего хочет мы не знаем, завтра че будет, мы не знаем. В мире смотри че идет и поэтому мы впереди не можем сказать, но я хочу сказать: пока живем нормально, с народом хорошо, пока думаем: будем жить, Аллага шокер».*

ВЫВОДЫ

1. Все участники исследования, жизненный путь которых представлен в данной главе, уезжали от войны или в поисках лучшей жизни. Их родители поддержали (а иногда и инициировали сами) решение об отъезде в Россию. Выбор пал на Татарстан по двум причинам: 1) информанты имели в республике родственников или друзей, пригласивших их жить; 2) их привлекло то, что это «мусульманский регион».

2. Пятеро информантов переезжали во взрослом, совершеннолетнем возрасте и лишь одного привезли родители маленьким ребенком. Трое респондентов переезжали в республику, имея семьи (у одного супруга с детьми так и осталась на родине). Двое информан-

тов нашли своих будущих жен в Татарстане. Самый младший респондент находится в активном поиске своей второй половины. Старшее поколение успело получить советское общее и профессиональное образование. Младший обучался в Республике Татарстан.

3. Судя по материалам интервью, мигранты из Таджикистана и Узбекистана, приехавшие в Республику Татарстан в 1990-е – начале 2000-х гг., полностью интегрированы в принимающее сообщество. Они имеют постоянную работу и трудятся в самых разных сферах, у некоторых налаженный бизнес. Такие мигранты хорошо владеют русским языком, демонстрируют толерантные установки, благожелательно относятся к межнациональным бракам. Двое респондентов женаты на девушках татарской национальности. Сами мигранты и их дети хорошо знают узбекский или таджикский языки, внуки почти не владеют ими. Татарский язык у мигрантов постсоветской волны на уровне понимания, некоторые могут изъясняться.

В исследовании удалось зафиксировать два типа бизнеса на этничности. Первый тип представлен кафе с национальной кухней, ориентированных на «своих» и на местное население. Мигранты, связанные со сферой общественного питания до приезда в Татарстан работали в ней или любили заниматься приготовлением пищи. Благодаря наличию опыта и интереса все они открыли в республике кафе с национальной кухней. В кафе, принадлежащих выходцам из Узбекистана, поварами работают соотечественники. Так сохраняется качество блюд и это привлекает клиентов. Второй тип связан с предоставлением платных услуг вновь прибывающим мигрантам, которые обязаны пройти процедуру легализации своего присутствия в РФ. Кроме того, это предоставление за определенную комиссию выгодной для приезжих сотовой связи. Знание русского, узбекского или таджикского языков для мигрантов, осевших в Татарстане, является культурным ресурсом, который они легко конвертируют в экономический.

4. Советская идентичность у шести респондентов никак не проявилась, несмотря на то, что трое информантов были старших возрастов. У пятерых имеется российское гражданство, и все позиционируют себя как жители Республики Татарстан. Все активно принимают участие в проводимых городами мероприятиях (субботниках, культурно-массовых праздниках, благотворительности). При этом у каждого сохранилось трепетное отношение к региону исхода, к родному языку и этнической группе, к которой они принадлежат.

5. Респонденты уважительно относятся к культуре принявшего их населения, стараются поддерживать хорошие отношения с местным населением, оказывать посильную помощь. Старшее поколение учит своих детей относиться к окружающим с уважением. Дети успешно получают образование в школах и общаются со сверстниками.

6. Ислам при выборе региона вселения играл важную роль для всех респондентов. Все подчеркнули, что они мусульмане, но уровень религиозности у всех разный. Среди информантов есть практикующие, но все они, как и другие участники исследования, всячески отстраняются от радикального ислама.

7. Все информанты активно поддерживают связь с регионом исхода – приезжают туда в гости, принимают у себя родственников, помогают тем из них, кто приезжает в Татарстан в поисках работы. Независимо от степени устремленности к получению прямых выгод от работы с соотечественниками, четыре информанта из шести на своей основной работе или в своем бизнесе работают «со своими» – узбеками или таджиками. Работа лишь одного информанта никак не связана с этнической сферой. Другие либо занимаются общественной работой, либо выстраивают на этом бизнес. Первые занимаются координацией деятельности таджикской и узбекской общин. Наряду с организацией культурно-массовых мероприятий, благотворительной деятельностью, они на безвозмездной основе оказывают помощь приезжающим в РФ таджикам и узбекам. Эта помощь разнообразна и благодаря ей формируются внутриэтнические круги поддержки.

8. Лишь один информант убежден, что он никогда не вернется обратно. Другие, как правило, среднего и старшего возраста, не исключают, что в конце жизни они уедут в Узбекистан или Таджикистан. Некоторые для возвращения предпринимают специальные шаги: строят дома в регионе исхода, вовлекают в бизнес в Татарстане сыновей с тем, чтобы со временем его передать в их руки. Однако практически все имеют гражданство РФ и при стечении обстоятельств (нажитое имущество, обустроенный быт, налаженный бизнес – все то, что будет жалко оставлять) не смогут реализовать свои планы. Реально уедут лишь немногие, сделают это прежде всего те, кто не закрепился в РФ и в республике (не получил гражданство, имеет в регионе исхода семью и т.д.).

ГЛАВА IV.

ВРЕМЕННЫЕ ЖИТЕЛИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Случай 5. «Пятьдесят на пятьдесят:
если родители здесь будут – то здесь остаться,
если без родителей – то здесь сама одна не могу»

В данном кейсе рассмотрены опыт проживания миграции семьей мигрантами, которые в разное время приехали в Татарстан в поисках работы и работают на рынках республики.

Ш. – узбек из Узбекистана, 56 лет. Он закончил среднюю школу в Узбекистане и имеет диплом об окончании курсов Российского исламского университета (Казань). Отец Ш. – профессиональный переводчик, востоковед, работал при посольстве и в совершенстве владеет арабским языком, глубоко религиозный человек. Он обучил всех членов своей семьи арабскому языку, но поступать в университет сыну не разрешил. *«У меня среднее образование. ... религиозное образование у меня. Диплом только недавно получил здесь в РИУ, а так в Узбекистане у меня никакого диплома не было. ... я хотел тоже по отцовской линии, отец не одобрил сам. Я ему сказал: «Отец, дайте благословление, пойду в Ташкент. Там экзамены сдам в госуниверситет в Ташкент». Он говорит: «Эй, сынок ... У того сына – диплом лежит дома, у того – на рынке торгует, диплом дома лежит. Зачем сейчас пять лет там потратишь?». У нас такое время было. Поэтому как бы отец не одобрял, а потом и желание пропало. После школы прямо хотел. Женился, потом все уже, проехали. Все! Желание есть у меня, потому что высшее образование нет. Есть только РИУ у меня свидетельство, как диплом. Это же не говорит, что это высшее образование. Я имею право обучать религиозное начальное образование».*

Ш. вспоминает, что ислам в советское время в его религиозной семье поддерживался тайно. *«Когда Советский Союз у нас общий котел был же в СССР. Нас обучал в деревне отец, он же религиозный был, тогда тяжело было, КГБ серьезный был. ... он всегда от-*

читывался – где бывал. Вообще тяжело было. Но все равно, он намаз читал пятикратный. У нас дедушка вообще был заместитель имама. ...я Коран знаю наизусть, весь Коран арабский текст. Жена тоже. Параллельно здесь помимо (работы на рынке – прим. авт.) в российском исламском университете я как преподаватель».

Ж. – таджик из Таджикистана, 54 года. Л. – мужчина, 42 года, из Таджикистана, на родине никогда не работал, он «*после школы сразу в Россию уже* (приехал – прим. авт.)». Ю. – женщина, 30 лет, узбечка, приехала из Узбекистана. Е. – женщина, 41 год, приехала из Узбекистана. Т. – узбек, 62 года, приехал из Узбекистана. З. – таджик из Таджикистана, 25 лет.

Информанты, которые проживают в Татарстане более 10 лет, прежде чем выбрать Татарстан местом постоянного проживания, поработали в других регионах Российской Федерации. Ш. до переезда в республику работал в Иваново. Ж. долгое время трудился во Владивостоке и в Чите, а выбор Казани был связан и с тем, что Татарстан географически ближе Таджикистану: «*Понравился мне, близко у нас Казань*». Т. начал свою трудовую миграцию с Челябинска. Л. – с Ташкента, а потом поехал вслед за отцом в Саранск, который позже рекомендовал ему уехать в Казань.

«И.: – *Почему именно в Татарстан?*

Л.: – *Это судьба, можно сказать. Татарстан мне 25 лет жить дает, еще что сказать, слава Аллаху... сначала в Ташкент поехал. ... Там народ хороший, можно там работать. Потом мне отец сказал, если честно будешь работать, честно будешь жить, там можно жить, можно работать. Не сказали обязательно где, хоть куда можно, если ты честно работаешь. ... Я первый раз, когда Ташкент сам я был, у меня отец работал в Мордовии, там торговал фруктами. Свой у нас урожай. Потом он решил, чтоб я с ним пойти. ... Когда я пришел впервые в Россию, это город Саранск, я три года там работал и потом просил отца: «Ты не будешь работать, тебе хватит уже. Мы уже самостоятельно можем, сила есть, здоровье есть. Буду соображать». И он сказал: «Если хотите что-то отдельно, но только поедете в Казань, потому что здесь ребята, в основном, наши. Здесь везде мечети, можно спокойно пойти, свои молитвы читать там». Выбрали Казань. Сейчас дома очень хорошо, там можно жить, можно работать. Но я сюда привык уже. Я сегодня ночью, мы до утра не спали, здесь работали, уборка там, перебирали заново. ... Мы любим*

работать, у нас это болезнь... как родина уже Татарстан. Все-таки 25 лет здесь живу. Это немало».

Наличие или рекомендации родственников, друзей повлияли на выбор Татарстана в качестве региона вселения и для других мигрантов. Ю. приехала вслед за родителями и, совмещая учебу в институте, работает продавцом: *«Учусь я здесь в институте, приехала и начала здесь работать и осталась. Родители тут были. ... Родственников много здесь. Не знаю, хорошо тут. Работаю я здесь, одноклассников много, очень много родственников в Казани».* З. – самый молодой информант, который около года находится в республике, и это для него первый опыт трудовой миграции, отметил, что его выбор пал на Казань только по личным положительным ощущениям от города.

И.: – Почему именно в Татарстан?

З.: – Потому что красивый город.

И.: – Были ли до переезда в Татарстан в других российских регионах?

З.: – Один раз был в Москве, три дня, только три дня.

И.: – Почему оттуда уехали?

З.: – Честно, не понравился почему-то, Казань город... Здесь мне понравился. Из-за этого».

Е. оказывается в Татарстане случайно, на принятие решения о закреплении в республике повлияла близость языков (татарского и узбекского), а также наличие родственников и друзей в регионе.

«И.: – Почему решили уехать из своей страны?

Е.: – Не решили уехать, мы и там живем, просто временно тут живем. ... просто в гости приехали и остались тут, решились работать. ...

И.: – Почему именно в Татарстан, а не в другие регионы России?

Е.: – Просто Татарстан. Не знаю, тут язык, во-первых, похожий на наш язык, и друзья тут очень много, родственники есть, одноклассники. Тут многие есть».

Лишь Т. оказался в Татарстане не собственному решению: он смог получить квоту на работу водителем семь лет назад, после этого принял решение о переезде в республику.

Шестеро информантов из семи на момент беседы работали в сфере торговли. Трое из них открыли собственное дело и занимаются продажей свежих фруктов и сухофруктов, которые выращивают-

ся в семейных садах в Таджикистане и Узбекистане. У Л. за садом *«все время отец смотрит. Один раз на три месяца едем туда, урожай собирать»*. Л. продолжил дело отца, которое тот начал еще в Мордовии более 20 лет назад и также занимается продажей сухофруктов, которые его родители выращивают на родине. Это семейный бизнес Л.: *«В год один раз я сам езжу, в год один раз поеду, месяца три там с ними и урожай сушить там, собирать»*. Опыта работа на родине у него не было, так как сразу после окончания школы он уехал на заработки. Ж. в Таджикистане работал пастухом в совхозе, но так как заработная плата была очень низкая, он был вынужден искать новую работу. Информант начинает работать продавцом сухофруктов. Е. имела собственный продуктовый магазин в Узбекистане. В Татарстане она продает свежие фрукты.

Ю. – продавщица текстиля, ее мать печет лепешки. Ю. работает в качестве нанятого работника. Ш. работает региональным торговым представителем текстильной компании города Иваново, которая занимается изготовлением полотенец из узбекского хлопка. *«Я работал с самого начала в одной фирме, просто агент коммерческий, так как я уже владею знаниями именно в текстильной сфере. Я у себя там, в Узбекистане работал и здесь. ... именно текстильный бизнес и устроился в одну фирму, до сих пор там же работаю. И получилось так, что фирма расширилась, она открывала свой торговый дом, как представительский дом в других регионах, и в Татарстан как бы я попал по работе. Мне очень понравился. ... не российское у нас свое производство, Узбекистан. Полотенце махровое. Это в Узбекистане хлопок же у нас. Вот хлопчатобумажные эти полотенца махровые, в основном. ... Я тоже вначале удивился, что полотенца вагонами можно продавать. Да, оказывается это спросом всегда пользуется»*. Т. работает водителем. Семь лет назад он получил это рабочее место по квоте и теперь очень ценит и дорожит своей работой.

Из семи информантов этого кейса, только у двух семьи в полном составе (жены/мужья, дети, родители у молодых участников исследования) проживают вместе с ними в Татарстане. Это Ш., который первое время пребывания в России жил один. Он и его жена тяжело переживали разлуку. На семейном совете было принято решение о воссоединении семьи. *«Мы в 2000-м переехали. Приехали в Россию, не в Казани жили раньше, город Иваново есть, там текстильный был. Именно по работе. Я сам приезжал, уезжал за за-*

работками и у нас две дочери были, две дочки мои. И они подрастают без внимания, без воспитания отцовского. Только жена дома, я всегда в России. Там зарабатываю. И вот думали с семьей все вместе быть. Это начало двухтысячных. Сам переехал, потом их пригласил... я не жалею, что правильно сделал – образование детям. По сравнению сейчас Узбекистан внимание больше не обращает на воспитание, на образование детям. Не в первую очередь образование. Даже не жалеем, что с первых классов наша старшая дочь здесь. Она сейчас в 11-м классе учится на пятерки. Везде благодарность родителям». Сейчас Ш. – многодетный отец, у него восемь детей: «Шесть дочерей, два сына. Пятеро у нас ходят в эту школу, трое дома пока они маленькие, пятеро у нас в школу ходят. Рядом школа, очень удобно. ... Трое там родились, в Узбекистане, а пятеро детей у нас в России родились, в Казани».

Другой информант Л. решил на переезд всей своей семьи из-за детей. *«Дети здесь родились, хочется им образование дать, нормальное образование». Сейчас у Л. «жена, трое детей, сейчас четверо, слава Аллаху».*

У других информантов некоторые члены семей живут в Татарстане, другие в Таджикистане или Узбекистане. У кого-то дети доучиваются в образовательных учреждениях, у кого-то родственники присматривают за домом и садом, в котором выращивают фрукты для последующей продажи в республике, у третьих жены помогают детям в воспитании внуков. Некоторые из них планируют перевезти семью в Татарстан. Ж. около тринадцати лет находится в Казани, живет с сыном, а его жена и взрослая дочь живут в Таджикистане. Он намерен их вывезти и оформить им российское гражданство. У Ю. ближайшие родственники живут в Узбекистане. Об их переезде она не думает, т.к. это решение принимает старшее поколение.

«И.: – Папа там в Узбекистане, мы тут с сестренкой. На лето приезжают».

Ю.: – Братишка с сестренкой сюда приезжают на лето?

И.: – Да. А так они там учатся в колледже.

Ю.: – Планируете ли вы перевести сюда других членов вашей семьи?

И.: – Не знаю, не знаю, это не я решаю, это взрослые будут решать».

Часть мигрантов, вошедших в данный кейс, получили российское гражданство. Его имеют те, которые прожили в России более 10

лет. Гражданство РФ имеют и практически все члены их семей, которые живут в Татарстане. У некоторых дети родились на территории Российской Федерации и автоматически получили российское гражданство. Л. очень гордится российским гражданством и своей законопослушностью. *«Гражданство – это давно уже у меня. Я законопослушный человек, хоть где бы ни был. Я всегда законы смотрю. Например, я часто езжу на машине, в какое государство зайду. Прежде чем зайти, у полицейских спрашиваю: «Какие у вас законы? Как пройти? Что нужно?» Сначала спрашиваю, потом заезжаю. Это у меня уже в крови есть, потому что водитель, отец – бывший водитель, всю жизнь работал в автобусе. Из-за этого уж я как-то, не знаю, у меня такое: куда пойду – смотрю на народ».* Ш. подчеркивает, что его жена как гражданка РФ имеет российскую медаль. *«У нее этот, не орден, а этот – «Мать-героиня».* Многодетная семья Ш. получает государственные пособия на детей.

Ж. имеет гражданство РФ, но его дети не получили. Е. и ее муж имеют патент на работу. Т. подавал документы на вид на жительство, но ему было отказано. Его супруга имеет российское гражданство и сам Т. вынужден жить и работать по патенту уже семь лет. Все они живут в России менее десяти лет, но стремятся получить российское гражданство. Исключение стала Ю., которая, несмотря на то, что она получила высшее образование в Казани и работает продавцом, имеет много родственников и друзей, не намерена оформлять российское гражданство, так как планирует вернуться на родину. *«...временная прописка у меня на три месяца. У нас патент же. У нас сейчас квоты никакие нету, то есть трудно получить гражданство. Гражданство в принципе не хочу, все равно домой уеду. ... домой хочу».*

У З., который живет в республике лишь год, имеется патент и временная прописка. Даже это легальное оформление своего нахождения в Татарстане далось ему с трудом. Среди основных трудностей он отметил необходимость сдачи экзамена по русскому языку, а также не посильную для него сумму денег, которую надо иметь по приезду для оформления всех необходимых документов. Отсутствие достаточных знаний по русскому языку является большой проблемой и для других мигрантов – участников исследования. Ю. на вопрос о трудностях, которые она испытывала при подаче документов, ответила: *«Главное язык знать. Когда язык не знаешь, там такие трудности, когда не умеешь читать, когда заполняешь, там*

же не все понимают, очень тяжело. Все там так написано, очень много букв, не все понимают. В принципе легко, там помогают, там тоже сидят, помогают».

Двое мигрантов имеют собственное жилье. Оба они живут в Татарстане больше 10 лет. Одному из информантов помогли с приобретением жилья его родители. Ш. повезло с руководством компании, в которой он работает. Она выкупила дом и оформила его в рассрочку, которую он оплачивает. Информант очень благодарен компании.

«Ш.: – Альхамдулилля, сейчас дом приобрели, живем, дети учатся. Свой дом.

И.: – Вы купили или строили?

Ш.: – Готовое. В этом очень помогли наш руководитель по работе, руководство очень помогло дом приобрести.

И.: – Финансово помогли?

Ш.: – Получается они купили дом, я как на рассрочку. То есть такая поддержка была с их стороны просто, Альхамдулилля».

Покупка дома стала существенной поддержкой многодетной семьи Ш. На приусадебном участке силами ее членов выращиваются овощи, необходимые для пропитания. Некоторое время семья выращивала бычков и кур для собственного потребления.

Остальные информанты, как правило, снимают жилье. Они живут в республике меньше десяти лет. Помощь в поиске жилья им оказали друзья и соотечественники, которые раньше их приехали в Татарстан. *«Пока мы с папой приехали, они (родственники – прим. авт.) уже нам квартиру нашли. Мы с отцом на готовую квартиру приехали. Все было уже там, только приехали жить. Приехали, живем» (Ю.).*

Отношение со стороны местных жителей все информанты оценили как положительное. Е., например, считает, что *«меня тут все любят, уважают»*. Т., отмечает, что к нему относятся *«как к родне: утром поздороваемся, вечером прощаемся»*. Ю. подробно рассказала о взаимоотношениях с хозяйкой снимаемой ею квартиры, которая ей очень помогла на первых этапах пребывания: *«Меня здесь любят, соседи очень любят. ...помогают. В первый раз, когда приехала, не знаю, у нас по квартплатам же это все (сложно – прим. авт.), соседка помогала, все писала мне, все помогала, куда отнести, что делать. Я на работу уходила, она там все носила, все сдавала. ... в принципе здесь люди хорошо относятся, потому что же*

здесь в основном татары. Они такие же, у них язык такой же, как и у нас, у них только говор чуть-чуть отличается, там а, о. А так все буквы одинаковые».

Мигранты считают, что отношение к ним напрямую зависит от их поведения в обществе, от соблюдения норм и правил принимающего сообщества. «Я везде сравниваю, как в Ташкенте, в Казани. Если прямо – вообще свой как бы, свой среди своих. Хотя такие моменты были, в 90-е, у нас как бы национализм – это после распада Союза сильно развивался. Это шайтаны видимо как раз им придумали национализм там этот. Татар у нас не угнетали, у нас наоборот. Может быть, там один-два раза какие-то, такой случай был, на это можно глаза закрыть. А в основном государство само заинтересовано, то есть многонациональная Россия. Вообще государство такого, именно многонационального. Религия приветствуется, ислам в том числе... сейчас молодежь не тот. Мне кажется, они сами виноваты, в принципе. Допустим, недавно был такой случай: узбека зарезали уличные. ... а такое там (началось – прим. авт.): татары зарезали узбеков. А потом начали выяснять: ночью, в 2 часа ночи вышел парень за пивом. В два часа ночи! Он приехал сюда за заработками, даже копейки если б отправил (домой – прим. авт.)... Кто виноват? Он же не то, что где-то там работал, они зашли, зарезали. Нет, вышел сам. ... я думаю, кто жалуется, кто там на такие детали обращает внимания, что тыкают или не то обращение к чужим. Мне кажется, они сами как бы там (виноваты – прим. авт.). А в основном ... с соседями вообще хорошие отношения. Можно сказать, они приняли нас как за своего, что я с мужчинами общаюсь, жена с соседками общается. Вообще абсолютно проблем нет». Синонимично выражается Л.: «... все зависит от тебя, сам себя уважаешь, тебя будут уважать, себя не уважаешь, тебя не будут уважать» (Ш.).

Со всеми респондентами беседа велась на русском языке, они понимали суть задаваемых вопросов, давали ответы и демонстрировали неплохой уровень владения данным языком. Однако независимо от возраста респондента и длительности его пребывания в Казани, в речах присутствовал характерный акцент и неправильное произношение некоторых слов. При общении дома, в семьях или с соотечественниками, информанты стараются использовать свой родной язык – таджикский или узбекский. Уровень владения татарским языком напрямую зависит от национальности респондента.

Узбеки отметили, что они полностью понимают татарскую речь и могут поддержать беседу на этом языке. Таджики, наоборот, подчеркнули, что татарский им дается сложнее русского и чаще они его лишь понимают, но не говорят на нем.

Интересный кейс был зафиксирован в ходе беседы с Ш. Поскольку он имеет исламское образование, его иногда просят провести пятничный намаз в мечети. По правилам Духовного управления мусульман РТ все проповеди должны проходить на татарском языке. Сам Ш. старается соблюдать данное требование, но приходящая в мечеть татарская молодежь просит его переводить проповеди на русский язык, поскольку не понимает их смысл. Ш. это очень удивляет. *«Сейчас же обяжали проповеди вести именно на татарском языке. Я, конечно, читаю, а дочери смеются. Я говорю: «Они же учатся» (изучают татарский язык – прим. авт.). ... Они вообще на татарском свободно разговаривают. Когда я читаю уже готовую проповедь, они смеются. Значит, не очень получается у меня. Я удивляюсь здесь... татарская молодежь ... – они сами не знают татарский язык. ... А сейчас ввели закон, чтобы именно в мечетях, чтобы эти пятничные проповеди проводились на татарском языке. Зачем это? Не знаю... там вообще местное население, молодежь. Там же частный сектор... они свободно на русском общаются, я всегда обращаю внимание, хотя и татарским как бы владеют. И даже молодежь, когда они сидят, разговаривают, именно на русском. Даже после молитвы, один из местных жителей подошел ко мне и говорит: «Ты, пожалуйста, хоть после хотба на татарском кратко расскажи на русском, что ты говорил вообще». Я говорю: «Вы же татары». Он говорит: «Я не понимаю ничего, некоторые слова понимаю, а общую суть не понимаю».*

Все информанты отметили, что они верующие люди. *«Все верят, наверно. Чему же надо верить в жизни, правильно? Когда не веришь, это же тоже нет».* Мигранты считают себя мусульманами и отмечают межконфессиональное согласие в Татарстане, профессиональную толерантность и наличие возможностей для соблюдения религиозных обычаев и традиций. Для Ш. это стало главной причиной переезда в республику. *«У нас религиозные семьи и мне очень понравилось в Казани, что тут свобода религий, вообще в России, а в Татарстане особенно. Не тыкают кто в платке. То есть очень комфортно чувствуешь. Как в Ташкенте, здесь также».* Мужчины – участники исследования сообщили, что они, как

правило, приходят на пятничный намаз в мечети. Все отметили, что стараются отмечать Курбан байрам и Гаёт байрам, закалывают жертвенного барашка. Ш. рассказал о совершении им и его женой хаджа. Он в восторге от увиденного: *«Словами не описать, когда ты видишь все национальности, по всему миру, и они обращаются к господу на одном языке. Татарин, русский, европеец, африканец, все обращаются на одном языке – на арабском. Вообще, ты еще раз убедишься, что ислам на самом деле правильная религия, самая правильная. А то, что средства массовой информации говорят террористы, мигранты – я таких не встречал».*

Дальнейшие жизненные планы у мигрантов разные. Одни собираются оставаться жить в Татарстане, более молодые намерены вернуться на родину. Двое информантов не загадывают на будущее и живут сегодняшним днем.

«И.: – Какие планы на будущее?»

Ж.: – Будем богатыми.

И.: – Собираетесь ли здесь остаться навсегда или уехать домой?

Ж.: – Уехать домой, приеду-уеду... охота туда поехать. Сюда приходит, работаем, после там будем отдыхать, и там хорошо, и здесь хорошо» (Ж.).

«Е.: – Я домой хочу. В Узбекистан я хочу. ... там мои родители, семья там, родители там. Мне и там хорошо, и здесь хорошо. ... У меня все есть там, у меня в Узбекистане все есть, действительно все есть, просто, я все же заработала, поэтому работаю тут. У меня есть и машина, и дом, родители, дети – все есть.

И.: – При возможности хотите уехать?»

Е.: – Да, да, конечно» (Е.).

«Всевышний сам знает, мы пока ничего не можем сказать. Никто завтра что будет, никто не знает. Я же Вам сказал, у меня желание, чтобы детям образование дать, а остальное уж сами знаете, кто, когда уйдет, никто не знает. Плана нету короче у нас» (Л.).

«И.: – Какие планы на будущее, собираетесь ли здесь остаться навсегда или уехать?»

Ю.: – Пятьдесят на пятьдесят пока: если родители здесь будут, то здесь остаться, если без родителей, то здесь сама одна не могу.

И.: – Если родители на родину уедут?»

Ю.: – *Если да, с ними уеду. Если нет, то буду жить, мне в принципе здесь хорошо. Потому что, как в колледже училась, там все одноклассники, все одногруппники все – татары, русские, все уже разъехались»* (Ю.).

Случай 6. «Одамлары яхши, эш нормальный»

Этот случай включает в себя истории жизни шести трудовых мигрантов – узбеков, которые приезжают на временные заработки в Республику Татарстан, в Высокогорский район. Им от 37 до 46 лет, пять – это мужчины, одна женщина. Все они работают в России довольно давно (стаж миграции колеблется от 4 до 20 лет). До приезда в Татарстан некоторые из них успели поработать в других регионах страны, но в последние годы приезжают только в республику.

«И.: – *Как давно начали выезжать на заработки?*

Ч.: – *Где-то четыре-пять лет.*

И.: – *Куда ездили? Только в Татарстан приезжали?*

Ч.: – *В Татарстан четыре года, а год в Пятигорске был».*

«И.: – *Сколько лет Вы ездите на работу?*

К.: – *Здесь десять лет.*

И.: – *Только в Татарстан или другие города России?*

К.: – *Оренбург в первый раз, потом Казань.*

И.: – *Почему решили в Казань ездить?*

К.: – *Хороший город, работа есть».*

«И.: – *Как давно начали приезжать, ездить?*

Г.: – *В 2004 году я в первый раз. Не сюда, я другом городе.*

И.: – *В какие города ездили еще?*

Г.: – *В Тульской область был, Усинске, Питере был.*

И.: – *Еще где были?*

Г.: – *Казань сейчас».*

Выбор Татарстана в качестве региона-приема связан с двумя причинами. Прежде всего, решающую роль сыграли советы знакомых и/или родственников (как правило, таких же мигрантов, имевших опыт работы в республике).

«И.: – *А кто Вам сказал про Татарстан? Откуда Вы узнали, что сюда можно приезжать?*

С.: – *У меня в Казани друг есть, он сказал.*

И.: – *Он уже сюда раньше приезжал?*

С.: – Да, он раньше приехал, работал. Он предлагал: «Посмотри, лучше тебе. Потом уезжаешь в Москву, если не нравится». Я приехал, что-то понравился мне, что мусульманский Татарстан».

«И.: – Почему решили в Татарстан ездить? Откуда узнали про Татарстан?»

Ч.: – Друзья предлагали на работу».

«И.: – Почему именно в Татарстан решили приезжать?»

Г.: – Люди хорошие, как-то отношение, уважение, не как в другом месте.

И.: – А кто Вам сказал про Татарстан, что сюда можно приезжать?»

Г.: – Этот земляки были, друзья были».

Л. – единственный из всех, кто имеет опыт работы только в Татарстане. На его выбор повлияло то, что его дядя живет в республике. Человеческие качества местного населения стали для него тоже важным условием для выбора региона.

«И.: – Помимо Татарстана, в какие города России ездили?»

Л.: – Только в Татарстан. ...Я не знаю, я привык, наверно. Как в Узбекистане, здесь в Татарстане. ... Татарстан, у меня здесь дядя живет. Сперва я просто приехал. ... Татарстане люди добрые, как в Узбекистане. С этого, наверно, ходим сюда».

Немаловажным притягивающим фактором для всех информантов является культурный: близость традиций и обычаев, некоторых норм и правил поведения, языка части принимающего населения (татар) является важным аргументом при выборе направления миграции. Особо подчеркивается значение ислама.

«И.: – Почему из Азии сюда приезжают?»

Ч.: – Мусульмане здесь».

Информант С. заявил, что даже при наличии лучших условий работы (что он имел в Москве), для него предпочтительнее Татарстан, поскольку здесь исповедуется ислам. В таком культурном окружении он чувствует себя намного комфортнее.

«И.: – А как давно начали приезжать?»

С.: – Я десять лет уже.

И.: – Всегда в Татарстан ездили или в другие города России?»

С.: – Я в Москву. Здесь третий лет уже.

И.: – А еще в другие города ездили?»

С.: – В Волгоград, Питер, Астрахань, Марий Эл. Я здесь Казань первый раз был, потом в Марий Эл ушел.

И.: – Какой из городов больше всех понравился? Где работать удобнее?

С.: – Москва.

И.: – Почему?

С.: – Москва большой страна (задумался – прим. авт.), не знаю. Короче, Москва мне больше понравился.

И.: – Там зарплаток больше?

С.: – Зарплата – это нормально. Просто это город красивый, большой.

И.: – Город понравился. А по условиям труда, где больше понравилось?

С.: – Мне Москва хорошо работать было, удобно.

И.: – А почему в Москву не продолжаете работать ездить? Почему в Татарстан приехали работать?

С.: – Татарстан – это мне как мусульманский.

И.: – Это притянуло?

С.: – Да. Там мусульманский нет, а здесь мусульманский. Это хорошо мне».

К религиозной мотивации добавляется экономическая. Для О. важно, что в принимающем регионе есть работа.

«И.: – В Татарстане, что нравится? Почему решили в Татарстан ездить?

О.: – Мусульман. ... Одамлары яхши (люди хорошие – прим. авт.), эш (работа – прим. авт.) нормальный».

Образование у информантов не выше средне-специального. Двое закончили только школу. Все учились в Узбекистане. Полученные профессии самые разные. Сейчас информанты работают строителями и отделочниками. Двое обучились строительному делу в процессе непосредственной работы на объектах, наблюдая за коллегами. Мигранты могут выполнять практически все виды строительных и отделочных работ. Они с легкостью берутся за любую предлагаемую работу, начиная с раскопки земли для фундамента, заканчивая монтажом кровли крыши.

«И.: – А по специальности какая у вас профессия? На кого учились?

Л.: – Я учился шофером. ... Нет, я не работал, а только я работал плотником.

И.: – В училище на плотника учились?

Л.: – Да, да.

И.: – А как строительному делу обучались?

Л.: – Строительное увидел, так.

И.: – Смотрели как делают?

Л.: – Да. Я подсобником работал, а потом потихоньку, потихоньку начал кладка ложить и другим так.

И.: – Какие виды работ можете выполнять?

Л.: – Я плотником работаю. Кладка, каменщиком умею... Отделка могу. Все».

«И.: – Вы в Узбекистане кем работали?

О.: – Шофером.

И.: – А сюда решили приехать и стройкой заняться?

О.: – Да.

И.: – Любую работу можете делать?

О.: – Да.

И.: – А где научились?

О.: – Татарстанда эшта (на работе в Татарстане – прим. авт.)».

«И.: – В училище на какую специальность учились?

Ч.: – Мастер сельского строительства.

И.: – У себя там по специальности работали?

Ч.: – Нет».

«И.: – По специальности у себя на Родине на кого учились?

К.: – На текстильном.

И.: – А по своей текстильной специальности работали там?

К.: – Узбекистан работала, здесь нет.

И.: – А строительному делу где-то обучались или уже по ходу дела?

К.: – (улыбается – прим. авт.) просто так ...

И.: – Что можете делать?

К.: – Любой, кладка, штукатурка, шпатлевка».

«Л.: – Сначала я рынке работал, базаре. После этого уже на шабашку. Я не искал, они сами сказали, где знакомые, уже на базаре знакомые. ... Шмотку продавал. ... Привозил и сам тоже продал.

И.: – Сколько лет Вы на рынке работали?

Л.: – Там, наверно, восемь или семь лет.

И.: – А почему решили на стройку перейти? На рынке не получалось?

Л.: – Рынок тоже получалось, наверно лучшие без мужчины. Работа лучше. Которые для вещи туда надо было ездить, два раза,

три раза в месяц. А с этого лучше работать. Для мужчины на стройке лучше».

«И.: – По специальности Вы кто? На кого Вы учились?»

Г.: – Также штукатур, маляр я, также работал я там на стройках.

И.: – А учились где после школы?»

Г.: – Я учился на водительском, армия служил и работал там на стройках».

«И.: – Какая профессия? На кого Вы учились? Или нет профессии?»

С.: – Есть. Я отделка.

И.: – Отделочник? То есть, Вы учились на отделочника у себя там?»

С.: – Да. Внутренняя работа, отделка. Это работал постоянно. ...

И.: – Где всему этому учились? Наставник был?»

С.: – Я Москву много учился такой стройка.

И.: – А у Вас образование гидротехника?»

С.: – Да.

И.: – Техникум Вы закончили?»

С.: – Да».

Невысокий образовательный уровень мигрантов сужает их жизненные возможности. Они вынуждены заниматься малоквалифицированным физическим трудом. Никто из них не решается открыть собственный бизнес, поскольку *«все равно это тяжело. Мы средний школа закончили»* (Л.).

При поиске работы информанты используют личные каналы – они приезжают на заработки по рекомендациям, советам, рассказам знакомых, родственников, соседей. Едут в конкретные места (города, районы, поселки), иногда к конкретному работодателю.

«И.: – Вы уже столько лет приезжаете на Высокую гору? Почему в Казань не едете? Почему в сельский район едете?»

Ч.: – В городе у меня знакомый там нет. Я сюда привык, я начал здесь. ... Я знаю – они знают. А там, в Казани – я не знаю (никого – прим. авт.). Ни разу не работал другой места, только здесь».

Большинство интервьюируемых отметили, что нашли работу по советам друзей, знакомых. Несколько приезжих отметили, что они сами пригласили работать своих знакомых, когда появилась вакансия в бригаде. Помимо личных каналов трудоустройства, ми-

гранты прибегают к объявлениям и посредникам. Лишь некоторые респонденты отметили, что настоящее место работы найдено ими самостоятельно.

Ч. приехал с соседом: *«Мы с Мумином один забор»*, С. с сельчанами из Хорезма, Л. с жителями своего села: *«В одной деревне живем (с членами бригады – прим. авт.). ... Здесь чужие нет... Соседи, родственники. У меня чужие нет. Они сами спрашивают: «Забери» (с собой на работу в Россию – прим. авт.). Они сами не знают же здесь, знакомый нет у них. С этого заберем, чужие нет здесь. Родные, соседи. ... они сами придут. Если у меня четыре человек, пять человек, уже шестой, девятый, десятый придет – уже все! Этого я заберу этот год, а этот следующий год. Этот год уже я этого обещал»*. Л. является организатором миграции для других – тех, кто живет в его родном кишлаке.

В бригадах, которые собраны из числа «своих», всегда выбирается старший, потому что *«русский хорошо знать надо. ... Конечно! Этот русский хорошо знать, легче будет. А рядом ребята не знают, он скажет. Я русский хорошо знаю, ребята мало знают, объяснить надо: вот так, вот так. ... У него обязанности, как сказать, ребята чтобы не болеть, доктора надо ... другой вариант нет»* (С.). Старшими становятся те, которые получили школьное образование в советское время на русском языке. Они свободно на нем общались с нами, давали полные ответы. Молодое поколение часто не понимало суть вопросов. Но стоило перевести вопрос на татарский язык, общение налаживалось. Все респонденты отметили, что они очень хорошо понимают татарский язык и на том или ином уровне могут общаться на нем.

Старший, как правило, организует трудовой процесс: *«Если кладка не умеет, то раствор мешает. Если все умеет, то так распределим»* (Л.). Обязанности во внерабочее время распределяются без принуждения: *«Все делаем: у нас старший-младший нет. ... Кто, допустим, пораньше свободный, он кушать готовит»* (Ч.), *«кому время будет или после работы (готовит – прим. авт.)»* (Г.), каждый отдельно стирает свое белье, покупка продуктов ведется «в складчину». В одной бригаде работает женщина, именно она готовит, а остальные члены бригады ей помогают: *«Картошка чистить – они вместе, лук почистить – они вместе. А остальное она сама делает»* (Л.). Ее саму такое распределение труда устраивает.

Условия труда у информантов плохие – они живут в вагончиках, временках, съемном жилье, но не жалуются, понимая, что основная цель их приезда – это заработок: *«У нас обычай – не праздник. Мы для работа приехали, для денег. Мы здесь ничего не отмечаем. Отмечаем только иногда пьем, иногда, например, пять человек пол-литра берем, отмечаем. Только после работы. ... Отмечаем Курбан байрам недавно отмечали. День рождения отмечаем»* (Л.). У каждого из них в Узбекистане остались семьи – жены, дети, родители, для которых присланные из России деньги – это либо единственный финансовый источник, либо главный. Каждый из этой группы мигрантов имеет 2–3 детей, лишь один четырех. Возможно, на малую детность информантов оказывает влияние их длительное отсутствие в семьях (в среднем трудовой миграционный период длится по шесть месяцев).

Трудовой день информантов начинается с раннего утра и может длиться до поздней ночи, т.е. до тех пор *«когда устал»* (К.). Как правило, мигранты работают без выходных, пока не сдадут объект. Питаются прямо на рабочем месте, принося обед с собой. Их среднемесячный заработок на момент исследования составлял 25–35 тыс. рублей. Он существенно снизился из-за курса доллара и рубля. *«Раньше нормально было. ... Сейчас у нас уже патенты, документы делаешь. Раньше только регистрация делали, такой патенты нет. ... Раньше нормально было, сейчас меньше (зарплата – прим. авт.). ... Наверно, из-за курса. Не, рублями тоже меньше. Раньше тридцать, тридцать пять мы работали, зарабатывали, а сейчас уже самый большой двадцать пять»* (Л.). Тем не менее, несмотря на имеющиеся в Узбекистане возможности найти работу, пусть и малооплачиваемую, некоторые мигранты намерены и дальше приезжать на заработки в Татарстан. Разница в зарплате привлекает их. Заработанные деньги отправляются в Узбекистан через электронную систему банковских переводов. Восемь-десять лет назад трудовые мигранты предпочитали копить деньги, отвозить их сами или передавать через посредников. Небольшие суммы оставляются себе для оплаты патента, проживания и питания.

Все информанты признают, что оплата их труда в Татарстане в два-три раза выше, чем за аналогичный труд в Узбекистане. Мигранты отмечают, что за месячную заработную плату, полученную в России, у себя на родине они смогут месяц кормить семью, купить холодильник или телевизор. Заработной платы, полученной в Узбе-

кистане, хватит только на неделю. Молодые узбеки часто приезжают, чтобы заработать и накопить деньги на свадьбу, стройку, учебу, покупку автомобиля и т.д. Доход семьи мигранта не складывается только из заработков, полученных на выезде. Жены и взрослые дети мигрантов по возможности также работают в регионе исхода, а если семья из сельского района, то все ее члены занимаются выращиванием сельскохозяйственной продукции (лук, морковь, хурма, картофель и т.д.) и последующей продажей на базарах. У Л. *«... есть поле. Поле дают нам, там президент тоже десять соток. Они добавка дают»*.

С 1 января 2015 года, приехавший на работу в Россию иностранец в течение 30 дней должен подать заявление о получении патента на работу. В соответствии с патентом юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям предоставляется право привлекать к трудовой деятельности иностранных граждан, въезжающих в Российскую Федерацию в безвизовом порядке. Условием получения патента является предоставление иностранным гражданином:

- полиса добровольного медицинского страхования;
- медицинских справок об отсутствии у данного иностранного гражданина заболевания наркоманией и инфекционных заболеваний;
- сертификат об отсутствии у данного иностранного гражданина заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции);
- документ, подтверждающий владение данным иностранным гражданином русским языком, знание им истории России и основ законодательства Российской Федерации.

Медицинские справки должны быть выданы медицинскими организациями, находящимися на территории Российской Федерации. Патент выдается сроком от 1 до 12 месяцев. Предусмотрено переоформление патента (так называемое продление на 1 год), но сделать это можно только один раз¹.

Все мигранты, с которыми мы беседовали, имели легальный статус. По приезду прошли медицинское освидетельствование, оплатили и оформили полис добровольного медицинского страхова-

¹ URL: Управление по вопросам миграции МВД по Республике Татарстан. – <http://ufms.tatarstan.ru/rus/dlyaingr.htm> (дата обращения: 20.02.2017).

ния. Они имеют патенты на работу, за которые ежемесячно оплачивается государственная пошлина: *«Два месяца (работаем – прим. авт.), каждый месяц 3300 (рублей – прим. авт.)»* (О.). Те мигранты, которые не имели документа государственного образца об образовании (на уровне не ниже основного общего образования), выданным образовательным учреждением на территории государства, входившего в состав СССР до 1 сентября 1991 года, сдавали экзамен по русскому языку и приобретали сертификат о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства Российской Федерации. Л. не сдал экзамен по русскому языку, потому что *«... я в союзное время российская армия служил»*. Ч. считает, что это не сложно: *«...я допустим, спокойно пройду. Вопрос не такой уж (сложный на экзамене – прим. авт.)»*, потому что там всего лишь *«год спрашивали, имя спрашивали»* (О.).

Для подтверждения своего легального положения трудовым мигрантам необходимо в течение семи дней найти место проживания и прописаться там. Прописка осуществляется соответствующими органами только при личной явке собственника жилья. Все информанты отметили, что они снимают жилье (квартиру, дом), кооперируясь с другими мигрантами – членами бригады, с которой они работают. Оплата делится на всех поровну, на каждого приходится от 1,5 тыс. рублей до *«икке яръм минг (две с половиной тысячи – прим. авт.)»* (О.) *«Сюда приедем, сначала квартира ищем. Уже нам разрешено семь дней. С этого дня квартира найдем. ... По объявлению ищем, звоним. Потом уже они, если нам регистрация делают, туда зайдем. Если нам цена устроит, туда зайдем, если не устроит, другой ищем. Так найдем»* (Л.). Среди информантов были те, кто отрабатывает оплату проживания своим трудом – помогает по огороду, строит или ремонтирует дом собственника. Это делается по взаимному согласию.

Мигранты жалуются, что введенная система прописки очень усложнила их пребывание в России. *«Да, сейчас уже трудно стало вообще. Вот раньше прописка делали, уже год можно было ходить с этой пропиской. А сейчас сколько будешь платить? Допустим, три месяца платишь – продлят на три месяца, месяц платишь – месяц продлят... Три месяца прописка и патент – и можно было год не продлевать. А сейчас без прописки вообще нельзя здесь находиться»* (Ч.). Само жилье или прописку *«в миграционной много предлагают. ... Да, там спрашивают. На (за – прим. авт.) деньги же дела-*

ют» (Ч.). Кроме того, информанты почувствовали изменения на рынке труда после введения санкций со стороны ряда западных стран в отношении РФ. Усложнился поиск работы, уменьшился размер заработной платы, подорожали проездные билеты. Тем не менее, основная часть информантов планирует по-прежнему приезжать на заработки в Россию, в Татарстан, так как экономическая ситуация на родине еще хуже. В предыдущих наших исследованиях мигранты отмечали, что в регионе исхода работу найти практически невозможно². В исследовании 2016 г. они сообщают, что работа в Узбекистане появилась, но она низкооплачиваемая. Среди мигрантов были и те, которые уже сомневаются по поводу будущих выездов в Россию на заработки. Это связано с понижением уровня оплаты труда и высокими расходами за легализацию своего присутствия и работы на территории Российской Федерации (оплата медицинского полиса, медицинского осмотра, патента, проживания, прописки).

И.: – О работе на будущее что думаете? Намерены приезжать на заработки?

Л.: – Дальше время покажет. ... Нет, выгода все равно есть, там у нас работа нет. А куда денешься? Все равно семья кормить надо».

И.: – Что думаете о работе на будущее, также будете приезжать? Или будете у себя искать?

Ч.: – Да, наверно, у себя будем искать. В этом году уже вообще сложно, вообще сложно. Уже не получается – деньги уже не можем отправить домой... Все только надо платить, да платить: 3300 надо патент платить и продлить. Все надо деньги».

Переезжать на постоянное место жительства в Татарстан они не намерены: *«...пять-шесть месяцев побудем и все, хватит»* (Ч.). Они объясняют это наличием, прежде всего, большого количества родственников в регионе исхода, родного дома, теплого климата. *«Все равно Узбекистан лучше* (смеется – прим. авт.), *Узбекистан лучше»* (К.), *«Все равно Родина есть Родина»* (Г.). В то же время они не исключают, что их дети могут приехать учиться в Россию.

Трудовые мигранты стараются производить хорошее впечатление на местное население, вести себя культурно и такого же от-

² Сагдиева Э., Габдрахманова Г., Мусина Р. Освоение пространства. Социально-экономические практики трудовых мигрантов в России. LAP Lambert Academic Publishing, Germany, 2011. – С. 114–123.

ношения ждут по отношению к себе. Они позитивно настроены к местным жителям и не встречали негативного отношения к себе. Все интервьюируемые мало включены в этническую и религиозную жизнь принимающего сообщества: никто из них не контактирует с местной узбекской общиной, и, несмотря на то, что информанты называют себя мусульманами и стараются жить по религиозным предписаниям, их религиозные практики очень поверхностные (они практически не посещают мечеть, не держат *уразу*, отмечают лишь Курбан байрам). В силу ненормированного рабочего графика им не всегда удается соблюдать необходимые предписания ислама. Их контакты с правоохранительными органами эпизодические, хотя каждого из них останавливали сотрудники полиции для проверки документов, но, удостоверившись в их легальном положении, спокойно отпускали. *«Здесь нормальный (хорошая обстановка – прим. авт.). У меня никто ничего не говорит и полиция тоже не говорит. Все делаем, как положено, если что ляжет (лежит – прим. авт.) – не трогаем, чужой вещи не трогаем. Сами только работаем. Что скажет – делаем, договор делаем. Остальное не знаю, ни разу не было (проблем – прим. авт.)»* (Л.). Оценивая свое присутствие в Татарстане, информанты считают, что они приносят пользу республике, отстраивая ее, облагораживая, при этом их расценки ниже среднерыночных. Но главная мотивация их миграции – финансовая, и *«когда деньги будут, всегда хорошо будет»* (Ч.), хотя для мигрантов важно *«хорошо встать, хорошее настроение, дома хорошо было – мне тоже хорошо будет»* (О.).

ВЫВОДЫ

1. Приезжающие в последние годы в Татарстан мигранты из Узбекистана – это гастарбайтеры, которые прибывают в республику многократно, на короткий сезон (не более шести месяцев) для осуществления трудовой деятельности. Молодое поколение приезжает компаниями или вслед за родителями, старшее – чаще в одиночку на налаженный бизнес или на конкретное рабочее место.

2. У всех мигрантов данной группы образование не выше средне-специального, много и тех, кто закончил лишь школу. Практически все сразу после школы начали трудовую деятельность: одни ее осуществляли путем выезда в другие регионы, другие пытались обустроиться на родине. Некоторые информанты к моменту осуществления трудовой миграции в РФ имели семьи, и некоторые их

члены впоследствии переехали в Татарстан. Основная часть информантов не имеет профессионального образования. Те же, у кого оно есть, практически не работали по специальности.

3. Все информанты понимают и могут изъясняться на татарском языке. Русским языком владеют слабо, часто с трудом отвечают на вопросы. Довольно распространена практика смещения русских и узбекских слов в речи.

4. Информанты предпочитают работать в бригадах, состоящих из близких знакомых – жителей родного села или района. Такие бригады становятся новой семьей на время пребывания в Татарстане: мигранты вместе работают, живут, готовят пищу, проводят свободное время.

5. Все респонденты, которые работали на стройках и на рынках, не имеют российского гражданства. Они не стремятся его получить, считая себя гражданами республик Узбекистан и Таджикистан.

6. Информантам нравится работать в Татарстане (о чем свидетельствует то, что после работы в регионах России они выбрали республику и приезжают сюда многие годы), их устраивает работа, зарплата, функционирование ислама в регионе, человеческие качества местного населения. Никто не проговорил о проблемах с правоохранительными органами или о негативном к ним отношении на бытовом уровне. Поскольку основная цель их приезда – это заработок, то свободного времени для поиска и поддержания общения в этнических сообществах у этой группы мигрантов нет. Практически все общение на время прибытия у строителей происходит между членами бригады или с заказчиками. Работающие на рынках для успеха своего бизнеса устремляются к развитию коммуникации с местным населением и расширению круга общения. Лишь один респондент отметил, что знает о существовании узбекской общины и, что он обращался туда за помощью.

6. Респонденты отметили, что они верующие мусульмане. Почти все отметили, что условия труда и проживания не позволяют им соблюдать все нормы и традиции, предписанные в исламе. Только один из информантов имеет религиозное образование, соблюдает все мусульманские традиции и обычаи, читает проповеди в мечети. При принятии решения о регионе вселения для всех было важным, что Татарстан – республика, в которой функционирует ислам.

7. Строительные бригады поддерживают связь с домом, общаясь по телефону. Мигранты, работающие на рынках, отметили, что они каждый год обязательно ездят на родину (это связано со спецификой труда – им нужно собрать и высушить урожай и привезти сухофрукты на продажу).

8. Несмотря на то, что некоторые из мигрантов, включенных в данный кейс, приезжают в Татарстан давно (один интервьюируемый это делает 20 лет), никто не намерен переезжать в республику на постоянное место жительства. Это, на наш взгляд, связано с отсутствием реальных, видимых связующих трудовых мигрантов с регионом вселения личностных связей. Практически никто из информантов не имеет родственников – постоянных жителей республики. Все они живут в Узбекистане. Никто не обзавелся каким-то имуществом. Еще одним фактором, который препятствует развитию мотивации у трудовых мигрантов на оседание в регионе, является произошедшее в связи с введением санкций в отношении РФ со стороны ряда западных стран понижение уровня оплаты труда мигрантов. Кроме того, новые правила пребывания на территории РФ трудовых мигрантов повысили их расходы на легализацию присутствия в стране (оплата медицинского полиса, медицинского осмотра, патента, проживания, прописки). В этих условиях некоторые трудовые мигранты не исключают, что они перестанут приезжать в Россию на заработки. На развитие этой тенденции оказывает влияние и то, что в Узбекистане стала улучшаться экономическая ситуация и в республике появились возможности трудоустройства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Республика Татарстан в течение советского (послевоенного) и постсоветского периодов является центром притяжения мигрантов из Средней Азии. Большинство из них – это граждане Узбекистана и Таджикистана. Обследование таджиков и узбеков, находящихся в Республике Татарстан, позволило выявить три компонента, участвующих в формировании данных общин.

Первый – это те, кто приехал в ТАССР в советское время. Такие представители таджикской и узбекской общин были вовлечены в реализацию крупномасштабных экономических проектов СССР, служили в армии на территории республики, либо оказались в ней по распределению вузов. Второй компонент – это мигранты 1990-х – начала 2000-х гг., бежавшие от гражданской войны в Таджикистане, а также те, кто спасался от тяжелой экономической ситуации и отсутствия работы в регионах исхода. Наконец – это трудовые мигранты, приезжающие в Республику Татарстан в течение разного времени (в отдельных случаях стаж миграции может превышать 10 лет). Несмотря на разные обстоятельства миграции в Татарстан, представители таджикской и узбекской диаспор демонстрируют схожие социальные характеристики, связанные с опытом проживания миграции и жизненными стратегиями в регионе приема.

Единым оказалось то, что решение о выезде из Таджикистана и Узбекистана принимается всегда при участии отцов информантов: с ними они советуются и получают одобрение. Родители могут повлиять и на принятие решения о выезде из Татарстана среди молодых мигрантов.

Для всех без исключения выбор Татарстана в качестве региона вселения связан с тем, что здесь функционирует ислам (а для мигрантов советской волны это стало закрепляющим фактором, когда в 1990-х гг. появилась возможность для открытого исповедования религий), наличие родственников, знакомых или друзей в республике, которые советовали, помогали при переезде и обустройстве. В качестве знакомых и друзей чаще выступают представители местного населения, которые приглашают в республику.

Все информанты родились в многодетных семьях и сами сейчас имеют большие семьи (количество детей может достигать десяти). У некоторых участников исследования часть семьи (как прави-

ло, это супруга и дети) живет в регионе исхода. Это связано с тем, что женам респондентов необходимо присматривать за престарелыми родителями, помогать в воспитании внуков. Такие информанты, скорее всего, вернутся в регион исхода.

Образовательный уровень у всех участников исследования оказался не высоким. Лишь у трех респондентов из 21 высшее образование. Большинство респондентов имеет лишь среднее общее или средне-специальное (плотник, водитель, швея, гидротехник и т.д.) образование.

Независимо от времени переезда в Татарстан все без исключения информанты в той или иной степени вовлечены во внутриэтнические сети. Одни оказывают моральную поддержку прибывающим из числа узбеков или таджиков, другие организуют рынок услуг для трудовых мигрантов (помощь в легализации присутствия в РФ, предоставление мобильной связи и консультаций), третьи – формируют трудовые бригады из числа членов семей и земляков, либо привлекают к бизнесу родственников или соотечественников (в качестве поваров, бухгалтеров в кафе, равноправных партнеров в торговых операциях). В некоторых интервью особо подчеркивалось умение узбеков и таджиков готовить национальные (узбекские и таджикские) блюда, что «вынуждает» информантов подтягивать к бизнесу в общественном питании «своих». Такие повара могут и не иметь профессионального образования, но их принимают на работу потому, что, по мнению информантов, кулинарное мастерство у них «в крови». Этническая принадлежность повара может быть важна и для местного населения, уверенного в качестве блюд, приготовленных представителем конкретной этнической группы. Так поддерживаются этнические сети.

Идентификационная матрица у информантов разных миграционных волн из числа представителей таджикской и узбекской диаспор имеет как общие, так и специфические элементы. Те, кто мигрировал в 1980-е – начале 1990-х гг., во время беседы активно апеллировал к этому времени. Информанты периодически вспоминали Советский Союз, говоря об экономике советских республик, взаимоотношениях между братскими народами, дружбе и взаимопомощи. Один из информантов до сих пор считает себя советским человеком, а родиной – СССР. Мигранты рубежа 1990–2000-х гг., а также трудовые мигранты, хотя и многие из них были рождены в СССР, а некоторые были ровесниками переселенцев советской эпо-

хи, никак не обсуждали это время. Те из них, которые приобрели российское гражданство, с гордостью обозначали этот факт, а также то, что они смогли пройти все формальные трудности, связанные с его получением. «Новые граждане» России подчеркнули, что они готовы выполнять гражданские обязанности, стараются пользоваться предоставляемыми правами и по возможности принимают активное участие в жизни принявшего их общества.

Региональная идентичность – мы-татарстанцы, сильнее выражена у тех представителей таджикской и узбекской диаспор, которые социализировались в республике. Именно в детские и юношеские годы у них сформировалась идентификация с регионом вселения, которую они открыто демонстрируют. Носители такой идентичности в ходе интервью с гордостью говорили об успехах Татарстана в области экономики и спорта. Такой дискурс не присутствовал в нарративах представителей среднего и старшего возрастов.

Все без исключения информанты подчеркнули свою мусульманскую идентичность. Для части из них – это не приобретение постсоветского времени. Некоторые рассказывали о тайном соблюдении исламских предписаний в советский период, изучении основ ислама с помощью родителей, имеющих знания в данной области. 1990-е гг. предоставили возможность открытого изучения ислама и соблюдения его предписаний. Часть информантов воспользовалась этой ситуацией, они заканчивают исламские учебные заведения. Для одного информанта ислам стал профессиональной деятельностью: он работает помощником имама мечети в одном из районов Татарстана. Более активное соблюдение религиозных предписаний зафиксировано среди осевших в республике, чем среди временных, которые в силу интенсивного труда не имеют свободного времени для удовлетворения религиозных потребностей. Многие среди мигрантов советской волны и рубежа 1990–2000-х гг. посещают мечети, отмечают исламские праздники, соблюдают уразу. Практикующими мусульманами, судя по материалам интервью, чаще являются дети мигрантов. Некоторые из числа женщин – детей мигрантов надевают хиджаб. Все без исключения всячески отстраняются от радикального ислама.

Исследование выявило и другие специфические элементы каждой группы членов таджикской и узбекской диаспор. Это проявилось в языковых практиках. Мигранты советской волны продемонстрировали хорошее владение русским языком. Они в совершенстве знают татарский язык – понимают, говорят и пишут на нем. Данным языком

владеют и те, кто прибыл в Татарстан на рубеже 1990-х – 2000-х гг. Они понимают, могут проговорить отдельные слова и фразы, но не владеют письменной речью. Примерно такой же уровень владения татарским языком среди узбеков – трудовых мигрантов. Они слабо владеют русским языком. Информанты, осевшие в Татарстане, отметили, что язык своей национальности (таджикский или узбекский) они утрачивают, их дети знают его плохо, а внуки не владеют им совсем. Второе и третье поколение членов таджикской и узбекской диаспор наряду с русским языком, владеет татарским.

Материалы исследования не позволили сделать выводы о профессиональной специализации членов узбекской и таджикской диаспор. Все они заняты в разных сферах экономики: общественном питании, строительстве, торговле, занимаются религиозной деятельностью, а также участвуют в экономике «для своих». Было выявлено, что у части информантов в формировании трудовой деятельности активно задействуется связь с регионом исхода. Поставка свежих фруктов и сухофруктов, специй, текстиля – все это позволяет членам диаспор организовывать собственный бизнес и получать стабильный доход.

Оценивая адаптационный процесс осевших в Татарстане, следует отметить, что у всех без исключения он прошел безболезненно. Приезжие легко адаптировались и нашли собственную нишу в экономике республики. У многих из них имеется собственное жилье (дом или квартира), приусадебный участок, автомобили, налаженный бизнес, широкий круг знакомых и друзей. Супруги информантов, которые живут в Татарстане, либо являются домохозяйками, либо работают. Дети, обучающиеся в школах, демонстрируют хорошие успехи в учебе. Те участники исследования, которые получили школьное образование в республике, вспоминали о позитивной коммуникации со сверстниками – общении и дружбе с представителями разных этнических групп. В целом, ни один информант не проговорил о негативном к нему отношении со стороны местного населения. Никто не вспомнил о проблемах с правоохранительными органами. Важно отметить, что сами респонденты очень уважительно говорили о культуре принявшего их общества, все они стараются поддерживать хорошие отношения с местным населением, оказывают посильную помощь соседям, друзьям и знакомым. Многие активно участвуют в культурно-массовых мероприятиях, проводимых в городах Республики Татарстан, стараются познакомить местное население со

своей национальной культурой. Некоторые принимают участие в городских субботниках и благотворительных акциях.

Оценивая перспективы развития узбекской и таджикской диаспор в Республике Татарстан, следует отметить, что можно ожидать дальнейший рост их численности. При этом важно учитывать, что наличие российского гражданства у некоторых их представителей не означает, что они навсегда останутся жить в Татарстане. Несколько респондентов отметили, что в преклонном возрасте они все же хотели бы вернуться в Таджикистан и Узбекистан: провести там последние дни своей жизни. Эти республики для них остаются родиной, это – родная земля и родной дом. Там они надеются получить уход со стороны детей и родственников. Там некоторые из них построили дом, в котором планируют дожить остаток жизни. Однако, нажитое имущество, обустроенный быт, наличие работы, налаженный бизнес в Татарстане могут воспрепятствовать реализации данных планов: возможно, все это информантам будет жалко бросать. Большинство участников исследования, имеющих российское гражданство и успешно интегрированных в принимающее сообщество, не планируют переезд обратно. Для них Таджикистан и Узбекистан остаются притягательными регионами, они поддерживают связь с находящимися там родственниками, совершают краткосрочные визиты, но все они останутся постоянными членами диаспор Татарстана. В исследовании была зафиксирована группа мигрантов, которые длительное время живут или приезжают в Татарстан на заработки, но не намерены переезжать в республику на постоянное место жительства. Это, на наш взгляд, связано с отсутствием, прежде всего, реальных, видимых связующих мигрантов с регионом вселения личностных связей – семьи и родственников.

Основную роль в увеличении численности таджикской и узбекской диаспор в Республике Татарстан будет играть ближайшее окружение тех, кто в разные годы приехал в регион и остался здесь жить. Именно они, судя по материалам интервью, активно поддерживают связь с регионом исхода – приезжают туда в гости, принимают у себя родственников, помогают тем из них, кто прибывает в Татарстан в поисках работы, стараются по возможности перевезти родственников и помочь им в оформлении документов. Те, кто приезжает в Татарстан на временные заработки, окажет незначительное влияние на численность таджикской и узбекской диаспор в республике. Усложнение процедуры пребывания и сокращение рынка тру-

да в РФ, улучшение экономической ситуации в Таджикистане и Узбекистане – это два основных фактора, которые на современном этапе будут стимулировать возвращение трудовых мигрантов в регионы исхода. Таджики и узбеки, приехавшие в Татарстан в советское время и на рубеже 1990–2000-х гг., становятся посредниками между принимающим сообществом и вновь прибывающими соотечественниками, стремящимися к оседанию в РФ. Поскольку не все респонденты знают о существовании национально-культурных объединений, а многие из них никогда туда не обращались, родственные контакты становятся более эффективным ресурсом в реализации жизненных планов у потенциальных членов таджикской и узбекской диаспор Республики Татарстан – их миграции, адаптации и интеграции.

*Габдрахманова Гульнара Фаатовна
Сагдиева Эльвина Азадовна*

**Таджики и узбеки в Республике Татарстан:
биографии диаспор и повседневные практики**

Монография

Оригинал-макет – *Л.М.Зигангареева*

Подписано в печать 10.12.2016 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 6,25 Тираж 150 экз.

Отпечатано в множительном центре Института истории АН РТ
г. Казань, Кремль, подъезд 5 Тел. (843) 292–95–68, 292–18-09

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф